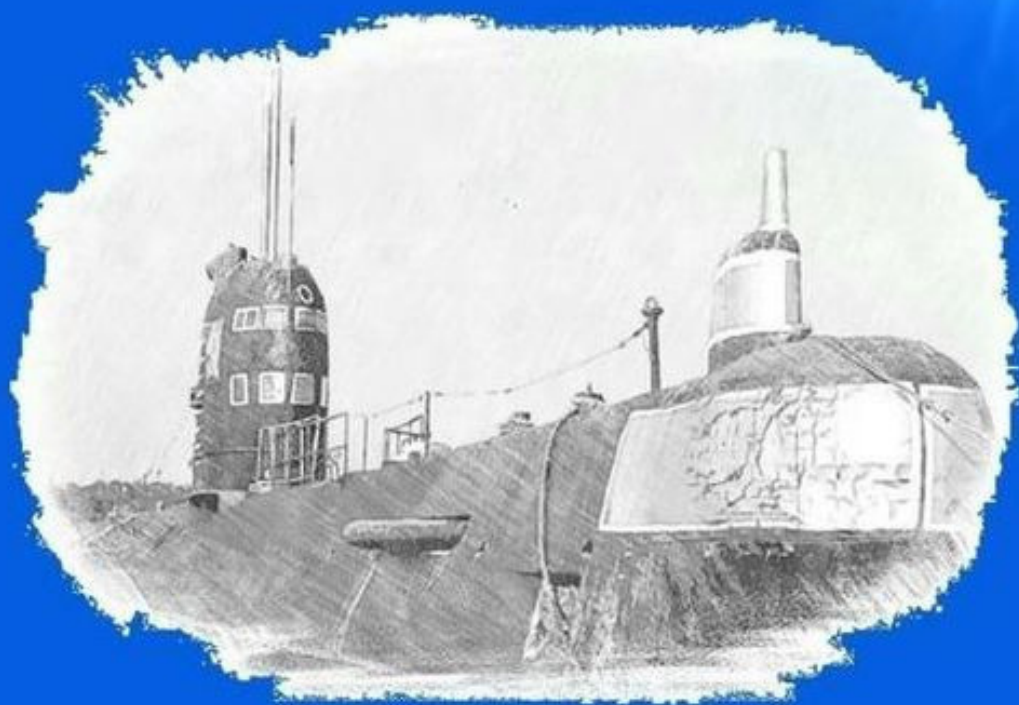

18+

Александр Иванченко

Камбала

Роман в двух книгах. Книга первая

Александр Иванченко

**Камбала. Роман в двух
книгах. Книга первая**

«Издательские решения»

Иванченко А.

Камбала. Роман в двух книгах. Книга первая / А. Иванченко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-538826-1

Роман охватывает промежуток времени более 10 лет. В основном, это юность и молодость героя периода 70—80-х годов XX века, так называемого «периода застоя». Героя на всех описанных жизненных этапах ожидают испытания, душевные переживания и, конечно же, любовь. Роман, состоящий из двух книг, включает в себя пять частей, затрагивая события школьной скамьи, институтские годы, службу в ВМФ и вплоть до судьбоносного события, уже на «гражданке». Почему назван роман «Камбалой», вы узнаете, прочитав роман. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-538826-1

© Иванченко А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Дядя Саша	8
Пролог	9
Глава I. Позор	12
Глава II. Всё за одного, а один «против»	17
Глава III. «Жирафа»	20
Глава IV. «Испытания на прочность»	26
Глава V. «Аморальный» поступок	34
Глава VI. «Кандидат»	41
Глава VII. Дядя Саша	47
Глава VIII. Ночь «возмездия»	53
Глава IX. «Стрелка»	58
Глава X. Воспоминания Дяди Саши	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Камбала

Роман в двух книгах. Книга первая

Александр Иванченко

Редактор Александр Иванович Иванченко

Дизайнер обложки Александр Иванович Иванченко

Фотограф Александр Иванович Иванченко

© Александр Иванченко, 2021

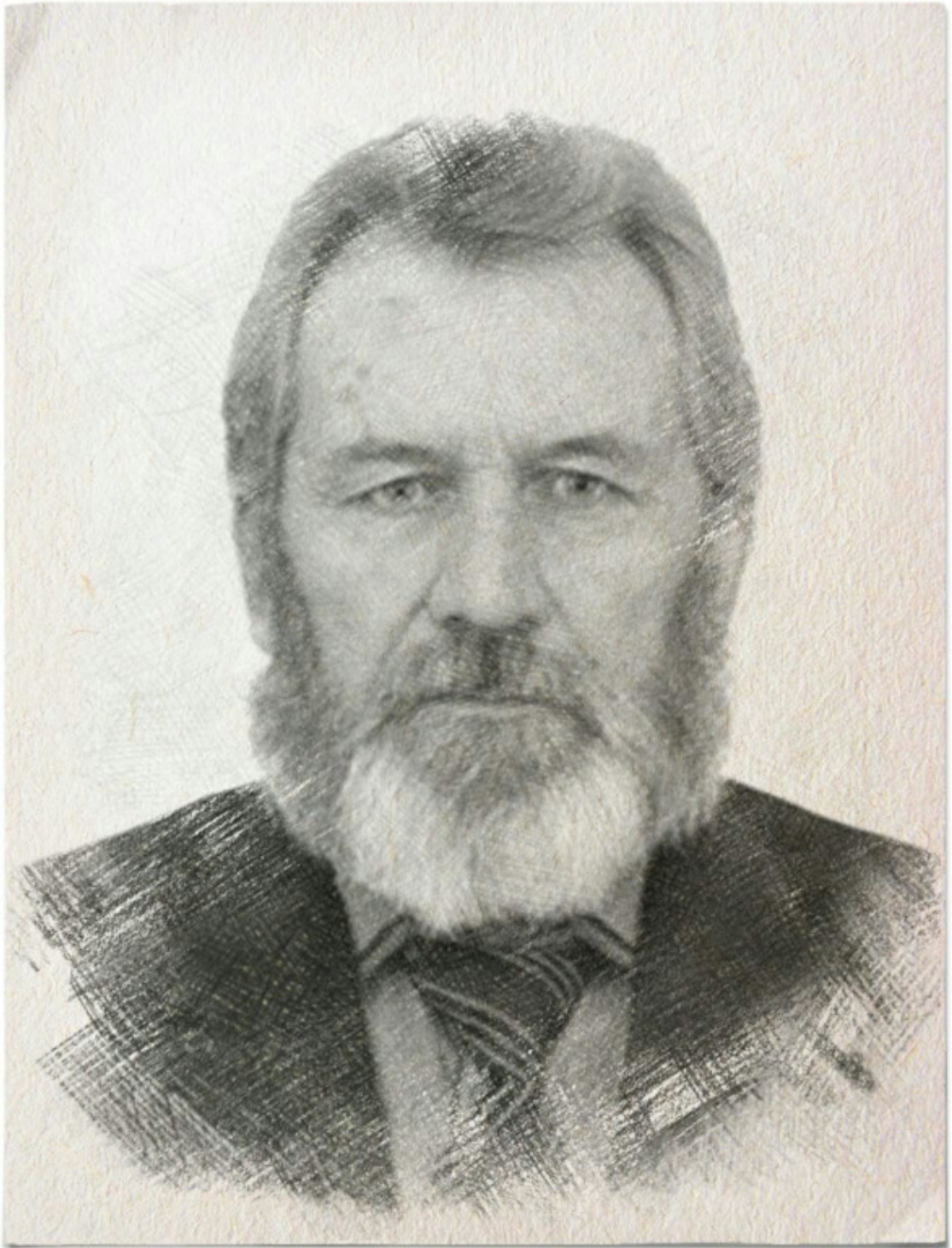
© Александр Иванович Иванченко, дизайн обложки, 2021

© Александр Иванович Иванченко, фотографии, 2021

ISBN 978-5-0053-8826-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0053-8827-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я напишу о вас роман

Струится свет сквозь темноту сознания,
Пытаюсь факты жизни ярко осветить,
С шагов тех первых в изученье мироздания
И оду, чтоб правдивую вам посвятить.

Не разделяя вас на тех, кто был мне ближе

И кто доставил много огорчений и проблем,
Не буду возвышать по рангу, делать ниже,
«Вознёсся» кто, без роли в решении дилемм.

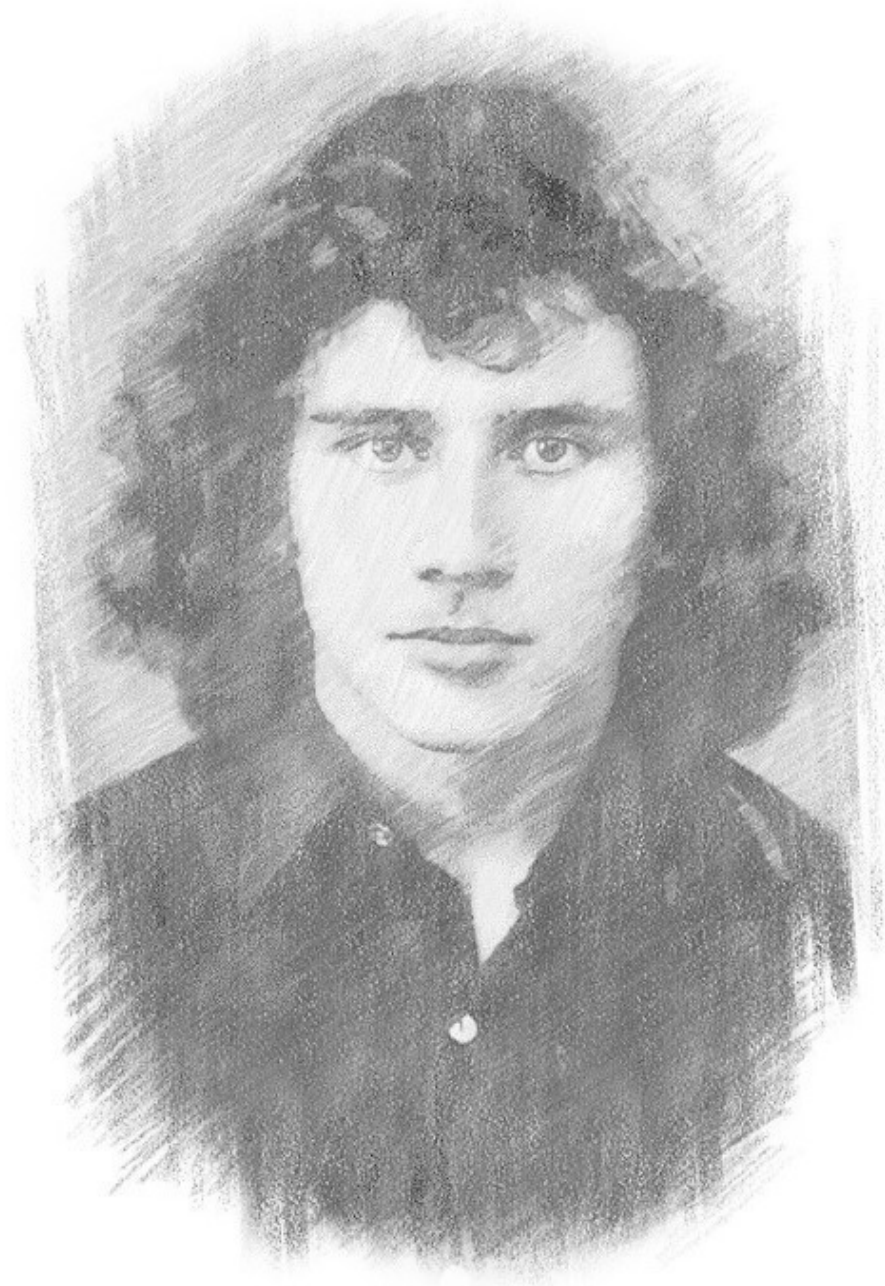
Я не держу обид, и зла не накопил в душе на вас
И вы меня, коль что не так, прошу – простите,
А, кто помянет – не жалеет тот свой глаз.
Сыграть в романе свою роль мне обещайте.

Оставили вы след в душе моей глубокий,
Благодарю, не забыл я никогда, друзья, о вас,
Хоть с памятью о вас сейчас не одинокий,
Сыграйте ж свою роль, я не приму отказ.

Струится свет сквозь темноту сознания,
Пытаюсь факты жизни ярко осветить,
Где первая любовь, разлуки и свиданья,
Хочу я вам, друзья, роман сей посвятить.

Александр Иванченко

Часть первая. Дядя Саша

Пролог

Кто мне скажет, что между правильными с понятий морали поступками и в противоположность им, аморальными поступками существует чёткая грань, граница которой определена морально-этическими нормами, я просто улыбнусь и спорить не стану. Почему, удитесь вы? Кто со мной знаком ближе, даже упрекнуть:

– Как, так? У тебя же раньше всегда была явно выраженная активная жизненная позиция. Ты же часто выступал как борец за справедливость и поднимал на суд общественности, беспокоившие её, вопросы, проблемы и существующие недостатки, часто, внося предложения, верные со своей точки зрения, в решении поднятых вопросов и проблем. Что, судясь, как воздушный шарик?

И с вами я не буду спорить. Считаю, что лучшим ответом должен быть тот аргумент, который преподносится не с ссоры или в драке кулаками, не ором, а спокойной констатацией аргументированных фактов и убедительных доказательств правоты, но без принуждения, а так, чтобы оппонент своим разумом к этому пришёл.

А, если это не получится, значит не очень убедителен я был, как говорится в суде: «Оправдан, из-за недостатка собранных доказательств». В этом случае есть недоработка следственного отдела и победа, а бывает и триумфальная победа адвокатов, сумевших оправдать того, у кого на лбу написано «вор» или «преступник», «маньяк», «крупный коррупционер» или другим названием, подходящим к совершенным им преступлениям.

Когда в жизни совершаешь какие-то поступки и, тем более что до этого никогда ничего подобного не делал, то не всегда осознаешь и можешь до конца предвидеть, к чему всё это приведёт и чем они могут закончиться. Сознание человека изменчиво во времени из-за того, что получает новые знания, приобретает умения и драгоценный или пагубный жизненный опыт.

Если меня спросят, задав, ставший даже «дежурным» у корреспондентов: «Вы совершали в жизни поступки, из-за которых потом приходилось жалеть? – я отвечу: «Конечно, совершал! Жалел, но не обо всех свершённых деяний, некоторые, как кровь из носу необходимо было совершить, чтобы следующий жизненный этап начать с подъёма, а иногда даже со взлёта, стремительно, с большим желанием и рвением.

Некоторые ошибки и поступки нужно было совершить, чтобы сформировалось в чём-то твёрдые, доселе шаткие, убеждения и формирования устойчивых жизненных принципов. Но, к счастью, пока, слава Богу, не совершал таких, за которые казнил себя мучительно и долго, и даже всё оставшуюся жизнь. А пословица гласит, что нельзя зарекаться ни от сумы, ни от тюрьмы. Я не зарекаюсь, тем более, судя по всему, сума нам многим уготовила жизньню в ближайшие годы. Я не каркаю, это видно всем и невооруженным глазом.»

Детские поступки совершались из-за желания пошалить или неосознания серьезности, к которой могут привести шалости. Что касается поступков взрослого, осознающего во многом и возможные последствия, тут уже иное суждение и осуждение должно быть. Помните чеховского «Злоумышленника», который «с умом» отвинчивал гайки на железнодорожных путях, через одну. Или героя фильма «Берегись автомобиля», Деточкина, который и виновен, потому что совершал кражу и не виновен, так как все вырученные деньги отправлял в детские дома.

На различных жизненных этапах идёт переоценка поступков, принятых решений и даже, просто высказываний, в зависимости и от того, на каком уровне в данный момент поднялся или опустился умственный потенциал, умения анализировать факты в новых реалиях, и с учётом того, какие последствия имели через годы, и даже десятилетия, то совершенное, что пора бы и забыть, но не получается.

Мы помним много примеров того, когда людей осуждали за то, что они совершили, а потом оправдывали, но, увы, тем, кого больше нет, им уже всё равно. Нам, конечно, не всё

равно, считают ли нашего родственника «врагом народа» или, наоборот, он герой и пример для подражания.

Мой дядя в начале войны, будучи водителем, перевозил снаряды и другие грузы для фронта. В районе г. Белая Церковь, что на Украине, его «полуторка» попала под артобстрел, машину разбило вдребезги. Он чудом остался жив. Фронт в то время, и-за того, что Советская Армия даже не успевала закрепиться на новых рубежах, стремительно двигался на восток. Боец, спрятав, закопав под деревом документы у одной из хозяек в деревни, решил во что бы то не стало прорваться через фронт к своим.

И нужно отдать должное, через несколько недель скрытного пешего перехода, пройдя по территориям, уже оккупированным фашистами, вышел к линии фронта и перешёл её недалеко от родных мест, где по реке Миус, установился временно фронт, названный и вошедший в историю, как один из кровопролитных, «Миус-фронт». Не прислушался он к призывам командиров тех частей, которые находились в противостоянии у линии фронта, которым «позарез» нужны были водители, чтобы он продолжил бить врага в рядах их соединений – отказался, сказав, пусть комендатура, которая должна была вскорости здесь разместиться, решит его судьбу, чтобы не приняла, как дезертира.

Получилось же, в точности наоборот: прибыла комендатура и военный трибунал, известный, как «тройка НКВД» – начальник НКВД, секретарь и прокурор, вынесли приговор – «8 лет тюрьмы, без права переписки».

И потом, через какое-то время весточка – «Пропал без вести».

К чему я всё это говорю. Да к тому, что в своей повести, которую лучше можно бы назвать автобиографической повестью, будь она раз в десять не такая «пухлая», герой часто стоит перед выбором, как поступить и не всегда этот выбор правильный. Не зря говорят, что «тот не совершает ошибок, кто ничего не делает». Я бы ещё так сказал – «кто не живёт, а существует, тот не ошибается или ошибается только в одном, но самом главном – он не живёт».

Почему название романа экзотическое, для моих годных степных мест Приморию, название, лучше бы подходящее к морской тематике, морских путешествий, жизни глубин морей и океанов? Потому, что кроме одного памятного мне случая, где очень верно и метко было отмечено в человеке то, что другим, даже ломая голову, невдомёк. И ещё потому, что мне давно хотелось поговорить о военно-морской службе и не только поэтическим слогом, что я давно уже делаю, но и, как бы вам это странным не показалось, прозой, которая в некоторых случаях может быть даже более выразительна или доступна и понятна читателям, любителям романов, детективов и повестей, хоть и не столь многочисленной является крайняя категория любителей прозы.

Я говорю о названии «Камбала». Ну, камбала и камбала. Раньше этим морепродуктом были завалены все гастрономы, кооперативные продовольственные магазины, как и креветками, которые давали, как семечки в нагрузку с той же килькой или тюлькой вяленой к бутылке портвейна или другого какого-либо плодово-ягодного вина. Кто-то вспомнит про сырки. Ну вы загнули. Сырки, чтоб было вам известно, молодые люди, лучше подходили к водочке.

Что вы сказали? «Водочка и селёдочка – не надо ничего», имелось ввиду, кроме этой закуски. Вы же помните «Иваси» – это название на этикетке, вкуснейшую сельдь иваси в металлических больших банка, килограмма на три по 3 рубля 20 или 50 копеек за банку.

Опять-таки, на отлов той же сельди иваси в 80-е годы был мораторий на 25 лет. Иначе говоря, целое поколение, как минимум не знает этой по истине народной еды, как и многое то, что только в наших воспоминаниях, я бы сказал в «красной книге» нашей памяти.

Это всё хорошо и поговорить, конечно можно, но как же быть с камбалой, нет, не так – с «Камбалой»? А, что значит как? Сказал «Аз», сказать придётся и «Буки». Кстати, у кого память хорошая, запоминайте. Ещё напомним из тех лет, что сейчас история с 50-летним стажем

и приличным слоем пыли, осевшей на неё за эти годы. Иначе говоря, другой, более низкий «культурный исторический слой».

– Ну, ближе к телу, Склифосовской! – ... (внутренний голос).

– Вы ничего не слышали? Нет?! Значит, послышалось.

Хочу лишь напомнить, что по гороскопу я рак. Кто помнит, раки бывают нескольких видов. А к ракообразным относятся, начиная от креветок и крабов, и заканчивая морскими раками: богомолами, отшельниками и лобстеры, которым цены не сложить. Мы больше всего знакомы с речными раками, отзовутся много знатоков, любителей пива с раками. Сразу говорю, что я не вкусный, не съедобный даже (вспомнил какой-то фильм, где туземцы хотели белого человека просто скушать).

А вот камбалы в гороскопе нет. Рака считают не рыбой, а животным, но камбала также своеобразна и непохожа даже на рыб. То, есть, это что-то необычное, отличительное от других. Пожалуй, я слишком много сказал, чтобы продолжать дальше. Иначе, пропадёт всякий интерес к прочтению. Вам предоставится возможность самим судить, что так, а что должно быть не так, но и так терпимо или «не в какие ворота не лезет» и т. п.

Три года жизни – это много или мало? Пожалуй, однозначного ответа не будет. Но большинство читателей сойдутся во мнении, если в счастливой жизни – мало, если в горе, лишениях и не только связанных с отбыванием в местах несть отдалённых, то нестерпимо бывает много. Всё измеряется тем, получаешь ли ты за бесцельно прожитые или в достижении поставленной цели, годы удовольствие или нет. Так? Будем считать, что «молчание – знак согласия».

Это я всё намекаю на три года службы, которые мне, признаюсь честно, не ради выполнения своего гражданского долга, а именно по своей собственной инициативе, выпало служить в рядах Военно-морского флота СССР. Вот теперь, подумал внимательный читатель, частично понятно, к чему будет слово, применяемое к глубоководной морской рыбе, сильно отличающейся от тех видов рыб, о которых мы чуть-чуть уже успели сказать и это рыба, правильно, камбала.

А совсем продвинутый читатель даже осмелится предположить, что не просто о Морфлоте речь пойдёт, а о службе подводника, раз рыбка-то глубоководная. Вот какую дискуссию можно развить, взяв за основу всего одно слово. Разве, нет?

Не буду больше мучить читателя в догадках, надеюсь, что мне ещё не раз предоставится такая возможность и я, пренебреженно постараюсь её воспользоваться.

Глава I. Позор

Лично я не знаю человека, которому было бы приятно воспринимать позор, как благо. Возможно нет чёткой границы, когда поступки переходят рамки адекватного, с точки зрения большинства граждан, поведения к какой-либо из сферы жизненного социума.

Да и понятие «позор» каждый трактует по-своему, другие даже ставят его вместо короны на голову и ходят с гордо поднятой головой. Для порядочной девушки какие-то знаки излишнего внимания являются оскорбительными и позорными, а для девицы легкого поведения, как комплимент в адрес её привлекательности и неотразимости. Она даже не думает, что привлекает в ее поведении только легкая доступность.

Как бы то не было, но каждый в свое время испытывал в жизни подобные моменты, скажу мягко, когда было неудобно за себя, свое поведение, поступок. Причины их появления и проявления могут быть самые различные. Иногда в них мы или совсем не виновны – это чистая случайность, или невнимательность, рассеянность, непонимание чего-либо в момент совершения, или не видение результатов, в коим наши действия или поступки могут привести. Даже какой-либо жизненный казус можно считать или кто-то может считать, как позор, а другие, как нелепое стечение обстоятельств.

Вот несколько примеров. Когда пьяный или даже трезвый БОМЖ валяется где-то под забором, ходит или сидит и клянчит мелочь, и при этом у него расстёгнута ширинка грязных и дырявых брюк – да за ради Бога, никто практически не обратит на это внимание. Другое дело, если почтенный интеллигентный человек, ну скажем, лектор учебного заведения, выходит на подиум и у него такая же «нелепость». Она тут же становится главной обсуждаемой новостью для многоликой аудитории.

У меня были случаи, когда мне было стыдно, но я умышленно шел на этот «стыдливый» поступок, ради благого дела, как я понимал. Вот один из них. Будучи не таким «подержанным», а довольно привлекательным молодым мужчиной, я заметил, что у попутно следовавшей со мной, впереди меня молодой и красивой девушки случился «казус» и она этого не видит. У нее расстегнулась короткая и без того юбочка, но для таких стройных и красивых ножек юбка-макси – это преступление перед мужской половиной общества, истинных ценителей женской красоты, и виднелись, хоть и красивое, но всё же нижнее белье. Её трусики были слишком контрастны со цветом юбки, чтобы этого не заметить.

Изначально, из-за того, что людей, не на тротуаре, а на проезжей части улицы, которая не умела тротуаров, было по обычаю много, я старался выбрать такую траекторию движения, чтобы те, кто очень спешил и обгонял меня и следом девушку, не смог за моей не очень широкой спиной заметить «казуса», который случился с моей попутчицей. Не знаю, как это у меня получалось. Скорее всего, люди думали, что я её преследую. Да и сама девушка, не видя меня за спиной, но точно, слыша шаги, стала немного нервничать и косить взгляд своих красивых глазок в мою сторону через плечо.

Нужно было решаться и я решился, выбрав удобный момент, чтобы рядом на расстоянии распространения звука моего волнительного голоса обратился к девушке со словами сбивчивой речи:

– Девушка... Вы меня... я прошу Вас меня дик-к-ко извинить... Но у Вас..., – я пытался пальцем указать то место, где..., но она уже повернулась и мой палец «тыкал» район её пояса или чуть ниже, и продолжил, видя недоразумение, плавно переходящее в негодование, – у Вас... это..., у вас молния расстёгнута. Простите, пожалуйста!...

Девушка немного смутилась, быстро застегнула молнию, сказав «спасибо!», на что я молча кивнул, оставаясь неподвижным на месте, хотя она уже продолжила свой путь. У меня с собой не было карманного зеркала, я же не девушка, чтобы носить косметичку, но я и без

него ощущал, как горит кожа на лице. Мне было так стыдно, видимо, за эту нелепость, свидетелем которой я стал, как будто я подсматривал за голой девушкой в бане.

Конечно, у каждого свое представление о стеснении, скверности поступка или позора в глобальном понимании этого обсуждаемого аспекта. Не зря говорят, «Каждый понимает в меру своей распушенности», если перевернуть понятие, то «Каждый осознает происходящее в меру своей воспитанности», но это если более культурно выразиться.

А сейчас я хочу рассказать о позоре, который иначе я никак назвать не могу, который произошел со мной очень давно, но оставил глубокий след в становлении меня, как человека, в формировании моего характера, моих убеждений и жизненных принципов. Учился я тогда в третьем или скорее всего в четвертом классе.

У нас в классной комнате, предназначенной для обучения начальных классов сельской восьмилетней школы в то время, обучалось по два класса одновременно: первый класс с третьим, а второй с четвертым. Учительница успевала всех опросить в обоих классах и объяснить новый материал. Это было связано с малой наполняемостью классов, как правило 5—7 человек, а общее количество на уроке было в пределах 15 человек.

И я хочу заметить, что ена качество овладения той школьной программы никак не отражалось. Даже, может быть и в чём-то было лучше, чем в городских школах, где классы насчитывали 25—30 учеников. Там был другой минус, учитель не имел возможности ежедневно проверять готовность учеников к уроку, проверять качество усвоения и закрепления материала каждым, как это было у нас. Я не помню такого, чтобы учительница не успела на уроке опросить всех учеников класса, если было задано на дом выучить стихотворение наизусть или правила правописания по русскому языку. Потому отлынивать, по принципу «меня на прошлом уроке спрашивали, значит сегодня не спросят» – было делом изначально из раздела фантастики.

Самое интересное, что я на первом году обучения, кроме азбуки, родной речи, мара-ния тетрадей в косую линию, при отработке правильности наклона и нажима пера чернильной ручки, на хорошем уровне запоминал не только предметы, где требовалось прочтение и запоминание по существу основных моментов, но и большинство математических выкладок, форму и правил грамматики в русском языке. Самое неприятное было то, что не мог запоминать наизусть стихи, правила и пр., требовавших точное изложения, а не пересказа, что для меня труда не представляло. Это давалось мне с трудом и с большим усилием, благодаря зубрежке. Если бы не это, за 2 года можно было бы экстерном сдавать всю программу начальной школы. Я хорошо усваивал параллельно и весь материал старших классов, единственно, что было плохо, не под ряд, а с разрывом в один год.

Учились мы вместе с моим братом Виктором, с которым были близнецы, правильнее сказать, двойня, были разные во всем, от внешней схожести до умственных способностей и характера. Я был круглым отличником, брат перебивался с тройки на четверку и в основном за счёт списывания у меня домашних работ. В школе проблемы усугублялись тем, что там списать, тем более, если отвечать у доски – никак.

И физически мы отличались тем, что брата тянуло в рост, как и наши предки по отцовской линии, где все были рослые, вплоть до старшего брата Алексея, а я, видимо удался, как говорят, в материнскую породу и дед, которого я в те годы ни разу не видел и вообще в жизни довелось увидеть всего один раз, так как после войны, с фронта к бабушке не вернулся, и мама была ростом Дюймовочки. Но в цепкости и способности уворачиваться или изворачиваться и не дать положить себя на лопатки, опять же я бы пошустрее.

Но память, в отличие от моей, у брата была в разы лучше. Но он мало этим пользовался. Мог бы неплохо учиться по тем предметам, где не требовался математический склад ума, умение сопоставлять, анализировать и прочее. Дома мы часто не мирились, постоянно спорили до драк за старшинство (я был на пол часа от него старше). Да и в классе нас рассаживали

за разные парты. В нашем классе изначально училось пять человек, двое из которых девочки, с третьего класса осталась одна.

Ближе к делу. Школа располагалась на одной улице с нашей хатой, в ста метрах и двух минутах ходьбы. Если проследить улицу со стороны въезда в село, то правая сторона была застроена, в те годы еще саманными хатами, некоторые из них были покрыты черепицей, самые «крутые» шифером, а самые бедные камышом. А левая сторона представляла большой пустырь с бурьянами, изрезанными тропинками, по которым доярки и скотники ходили на расположенную за этим пустырем и оврагом с родниками, ручьем и перекладным мостиком. В конце улицы, по этой же левой стороне моей улицы обособленно стояло здание старой школы. Рядом было захоронение, погибшим при защите и освобождении села воинам Красной Армии и памятник. В 1962 года была окончательно построена новая просторная школа «восьмилетка», в которую я и пошел в первый класс вместе с её открытием.

Позже, на этом же пустыре, рядом с новой школой, но ближе к нашей хате построили здание детского сада и правления колхоза. На радость детворы стройка затянулась, а отстроенные стены помещений и сам помещения были излюбленным местом игры, и в прятки, и в войну. Как любая стройка на ней было нагромождение целого и битого кирпича, куч грунта, песка, щебня, досок и отходов. Короче, по нашим понятиям, лучшего места для «боев местного значения» или «в черте городской застройки», как сейчас говорят, не придумаешь.

Часто, возвращаясь со школы, от нечего дела, заходил на это место «боевой славы», чтобы насладиться воспоминаниями былых побед.

С вечера «пошла масть» и я слишком долго времени провел в подобных баталиях, до этого, правда, исправно письменные домашние задания выполнил, как всегда блестяще и дав тем самым своему брату возможность, воспользоваться моим отсутствием на «театре боевых действий», вынуть из портфеля тетради и переписать решение задач и упражнения по русскому языку.

Учительница на русском опрашивала, как всегда всех, всех четверых учеников нашего класса. И у нее оставался еще «в запасе» класс с младшим контингентом аудитории. Вот я и влип! Совсем забыл, что нужно было выучить довольно заумное правило по русскому. Из того, что я смог запомнить со слов моей любимой, безо всякого лицемерия учительницы, Натальи Павловны, пытался составить складную в правило речь. У меня это плохо получилось. Учительница сделала изумленное лицо. От кого другого, но от меня такого она никак не ожидала:

– Саша! В чем дело? Ты не заболел?

Я стоял у доски, потупив взгляд в пол. Лицо моё горело. Меньшие на два года ученики, толи просто перешушукивались, толи злорадствовали, не помню уже, для них тоже было неожиданностью, чтобы отличник и так опростался. Мне было не того, чтобы поднимать голову, я был посрамлен, а моя былая слава отличника покрылась «несмываемым» позором. «Позор! Какой позор!!» – звенели у меня в голове и протяжным эхом слова «внутреннего голоса».

– Иди домой и без родителей в школу не приходи! – таков был вердикт строгим голосом требовательной учительницы, – я тебя вынуждена поставить «тройку». Для кого-то сейчас это покажется смешным, но не для меня и тем более тогда.

Я сложил портфель и кивнул брату, чтобы забрал, если чё. Идти домой – «смерти подобно», – думал я. Отсиджусь два урока, пока закончится четвертый, последний и потом с братом пойду домой. Так и сделал, пошел на стройку, где она в этот момент защищала меня от всего и всех, как «Брестская крепость».

Мысли сверлили голову: мама в это время точно уже пришла с фермы, дома; отцу не дай Бог говорить, боялся. Хотя меня отец за всю жизнь не бил, даже голос сильно не повышал, но говорил так, что хотел лучше умереть на месте, чем вот такое переносить. Было стыдно,

не то, чтобы до слёз, до списания всех немалых моих заслуг и в учебе, и в помощи дома по хозяйству, до нуля, до чистого листа моей детской биографии. Только один раз, батя, замахнулся, быстро выдернувшим из брык ремнем, но я смог увернуться, а его внезапный пыл остыл. А было ведь за что. На этот раз, я нашел минометную мину, точно не помню, но примерно 120-миллиметровую и «спрятал», забросив на камышовую крышу курятника. Сейчас смешно, отец-то был вдвое выше меня и всю, что находилось на крыше ему было, естественно видно. Перепрятать же я не успел. Этой мине судьба, как и гранатам и другим взрывоопасным моим трофеям, была предопределена – она подлежала затоплению в туалетной яме. Однажды, я не выдержал и спросил: «Па, а если гахнет?» – Нет! – был ответ отца, – дерьмо сделает своё поганое дело, сожрёт...»

С братом возвратился домой. На вопрос мамы «как успехи?», на который она особо и ждала ответа и так знала наши способности и успехи, я ответил «хорошо» и поспешил, с особым усердием учить уроки.

Гром прогремел среди ясного неба, когда я, каким-то непонятным чутьем ощутил приближавшуюся «грозу» – бросив взгляд в окно, увидел вошедшую во двор учительницу. В те годы ворот и калитки не было, так как все в деревне жили открыто и дружелюбно, а проход и проезд во двор облагораживали стеночки из сложенного бутового камня, в основном ракушечника. Куда деваться, хоть от судьбы и не уйдёшь, но оттянуть время «казни» попытаться-то можно. Выскочить во двор и спрятаться за постройками и сенниками было поздно. Учительница уже разговаривала с мамой во дворе.

Единственное и часто применяемое место, где можно было притаиться – под кроватью. Я пулей влетел под кровать, успокоив рукой покрывало. Сердце билось, как колокол набата. Мама позвала меня, не услышав отзыва, прошла под комнаты и зная, что я не выходил, заглянула под кровать.

Я стоял перед моей любимой учительницей и испытывал то, что не дай Бог кому-то испытать, такой стыд и позор, какой никогда до этого и после этого за всю мою уже долгую жизнь не испытывал. Не буду даже передавать, что говорила учительница и что я испытывал, готовый лучше провалиться сквозь землю.

Конечно, за свою не короткую жизнь много пришлось испытать конфузов, побывать в ситуациях, при которых было, как минимум неудобно за себя, а по большому счёту позорно, судя по собственноручно представляемой «шкале позора», которая никак не могла быть мериллом для поступков других. Другие подобными поступками могли даже гордиться, у них были совершенно другие принципы и критерии оценок поступков. В той же начальной школе в параллельном, старшем классе, с которым мы занимались в одной классной комнате, учился Толик, который мог, не зная урока, тянуть руку, чтобы его вызывали к доске побыстрее, где он не отвечал на вопросы учительницы, а развлекал нас своими рожицами, кривляньями и прочим, чем сам наслаждался и получал, как он считал свои заслуженные «артистические бонусы». Конечно, он мог дожидаться своей очереди, а учительница, зная его, старалась спрашивать в последнюю очередь, чтобы «не расхолаживать» остальных его клоунадой.

Одно хочу сказать. На 55-летие сельской школы, в которой я учился восемь лет, в просторном зале Дома культуры проходила торжественная часть. Было очень трогательно. Я, как и многие другие, бывшие выпускники школы, попросил слово и со сцены, особую благодарность высказал своей первой учительнице, поблагодарил её за главный урок, за эту единственную тройку, которую она мне поставила за всю учебу в начальных классах. А самое важное в том, что я всегда помнил этот урок и никогда никому больше не врал. Я мог не сказать правды, но соврать – никогда!

Я подарил ей мой первый сборник стихов, которого бы не было, не будь у меня такой замечательной учительницы. Царствие ей небесное. Она не так давно ушла в мир иной. Светлая память сохранится о ней в моём сердце, пока я жив. Можно ли смыть позор, кроме, как кровью – не знаю. Но я сильно старался, поверьте мне. Да и для неё, уверен, что этот случай не стал столь трагическим, как для меня, за её долгую трудовую деятельность. Но, то, что она свою душу вкладывала в свой почётный педагогический труд – это бесспорно. И как сказать, что могло стать в моей жизни определяющим в выборе профессиональной деятельности, так как я большую часть трудовой деятельности проработал всё-таки не инженером-механиком, имея на это диплом, а педагогом в профессиональном училище и колледже. Как знать?!

Глава II. Всё за одного, а один «против»

Кто меня знал, как школьника, те могут подтвердить, что более адекватного и спокойного ученика, чем я, даже трудно представить. Если и шалил на переменках, как все, то на уроках старался вести себя дисциплинированно, в рамках дозволенного или условно допустимого, т.е. на грани неподобающего. Хоть я и учился в двух школах, сначала в родной сельской восьмилетке, а затем, недостающие для получения аттестата о полном среднем образовании уже в районной СШ №1, п. Матвеев Курган, вам потребуется много усилий, чтобы «под пытками» расспросов всё же выпытать у учителей и моих одноклассников сведения, порочащие моё честь и достоинство. Во, как сказал, в духе патриотизма и лозунгов той поры, что самому понравилось. Но нельзя ни в чём быть уверенным на все сто и, при желании, можно выявить, что и Белый Ангел не такой уж и белый и безгрешный.

Но не хочу богохульствовать, оставлю Ангелов в покое. Лучше уж меня обсуждать, так как брось палку и попадёшь в грешного человека, с той лишь разницей, что степень проступков у каждого своя. Я за долгую жизнь ко всему практически привык. Говорят, что только к одной мысли привыкнуть нельзя – к мысли о смерти. Всё в нашем мире относительно. Если одними мерилками мерить, человек может представляться, чуть-ли не святым, а примени другие – на нём клейма под перечнем плохих дел, скажу мягко – не злодеяний, ставить негде.

Вот так же и вы, с первых слов моего громкого заявления скажите – хвастун. Да, пожалуй, есть немножко. Кто не любит прихвастнуть? Но я знаю людей, которые сначала немного привирая, затем больше, а со временем уже верят в свою ложь и до хрипоты оспаривают свою вымышленную правоту.

Ну, не знаю. Пораспрашивайте, пока есть у кого и обо мне, откройте шкаф, пересчитайте сколько в нём «скелетов». Я не работал в секретных службах, и информация о моем счастливом школьном детстве засекреченной быть не может. И, когда соберёте «компромат», сможете меня застыдить. И это, в отличие от стыда, который может испытывать школьник, если ему это вообще знакомо, будет не то, чтобы сказать – очень чувствительно, это будет убийственно, как выстрел артиллерийского орудия по мухе, «распятой» морскими швартовыми канатами напротив его жерла броневой снарядом.

Но, чтобы быть максимально правдивым, то нужно признаться, что всё-таки можно припомнить за десять лет, как минимум три случая, из-за которых пришлось краснеть мне и моим родным. Первый случай я уже довольно подробно рассказал, это был случай, когда я получил за невыученное правило по русскому языку «тройку» и учитель, за этот «аморальный» поступок, отстранив меня от занятий, отправила домой за родителями. До этого я не могу припомнить что-либо подобное, что могло произойти в моем детстве, а главное, чтобы за это мне было так стыдно. Все мы в детстве шалим и шалим так, что родители наказывают даже, лишая возможности сходить в кино или даже ставя в угол, а кого-то, чего греха таить и ремнём отхаживали. Вот чего-чего, а этого и я, и мои братья избежали. Толи родители были гуманистами, толи проступки были мелочными не «тянули» на телесные наказания. Такого у нас в семье не было.

Вы должны согласиться со мной, что если человек, молодой человек в первую очередь, если мы разговор о школе завели, стыдится своих поступков, значит он не потерял для общества, а недостатки в воспитании, если есть, исправимы. Тем более, что из более, чем 40-летнего трудового стажа, четверть века я проработал педагогом и не раз приходилось, и как классному руководителю, и как мастеру производственного обучения заниматься с проблемными учащимися училища и студентами колледжа, бывать у родителей дома, даже проезжая на своей машине по селам района, где проживали мои подопечные. Но сейчас речь обо мне, как об уче-

нике и проступках, которые я хочу всё же вспомнить и чистосердечно рассказать, как на исповеди, чтобы Большом Суде не смешить этим Великого Судью.

Вот сейчас, вспоминая об этих самых проступках, которые необходимо было осуждать и за них я должен был понести законное наказание и всплывают те, что я пытался «утаить», даже не умышленно, а как говорят, «за давностью времени». Они, возможно, и чем-то необычны, и не столь трагичны, но были же. Как говорят в поговорке, «Был бы человек, а статья, под которую его можно подвести найдётся».

Не секрет, что в наше современное время, время «двойных стандартом» мы так привыкли к тому, что правда с «кривдой» часто меняются местами, в зависимости от того, из чьих уст произносятся.

Ещё один пример, когда в советские годы так называемых «валютчиков и «цеховиков» преследовали, давали большие сроки и вплоть до высшей меры приговаривали. А теперь эти злостные некогда преступления – законная финансовая и коммерческая деятельность негосударственных крупных и мелких предприятий. Люди, хотя их называть людьми не хочется, вот хапуги – это лучше подходит, пользуясь природными богатствами, которые для «красного словца» иногда называют «народными», торгуя ими, набивают не то, что свои карманы, обеспечивая безбедную жизнь даже своим правнукам. Это вам не советские миллионеры, как Александр Корейко. Их состояние исчисляется миллиардами, не рублей и «керенок», а долларов или евро.

Отвлёкся, простите.

Иногда, осмысливаешь поступки, совершенные тобой же в далекие годы, но современными мерками и степень их благородства или скверности может меняться в одну или другую сторону. Вот пример, поступок Павлика Морозова, нам ставили в пример и когда красноармеец, не задумываясь стреляет в своего брата белогвардейца – мы оправдывали. Сейчас, уверен, что Павлика, скорее предателем называют и поступок братоубийцы не оправдают.

Я могу привести пример из своей школьной жизни, когда нужно было делать выбор и в этом выборе я оказывался одинок, среди коллектива класса. А дело было так.

Я учился в седьмом или даже восьмом классе. Любимыми были точные науки, любил физику и математику. Возможно, потому что меня тянуло к технике. Это не значит, что гуманитарные предметы изучал «спустя рукава» – нет, но занимался не с таким интересом.

Физику у нас преподавала учительница, которую звали Евгения Петровна. Она была одинокой женщиной, инвалидом, сухонькая, сторбленная женщина, хотя ей и 50 лет не было, но выглядела старше своих лет и никогда не была замужем. О таких говорят: «Богом обиженная» и по-человечески её было жаль только от вида, не зная о ней ничего. Но это лично моё отношение к ней.

Мне нравилась физика, нравилась методика преподавания, я с удовольствием получал те знания, в которых у меня была потребность. Учительница была беззащитна и не могла стать кому-то угрозой, чтобы как от других, ученики прятались под партой, отбросив крышку стола (кто помнит, как парты были устроены). Потому на ее уроках было часто шумно, а иногда ученики устраивали беспредел, т.е. делали пакости, чтобы сорвать урок.

Я был противником таких методов «протеста» против возможности получить знания, тем более, когда обиде подвергается человек, уже обиженный, как я упомянул, Богом. Но и быть «изгоем», пойдя против всего класса ничего бы не дало, кроме того, что меня могли просто смеивать потом постоянно, как минимум.

По обыкновению, учительница в начале урока проводила закрепление пройденной темы, чтобы, используя знания прошлого урока перейти к новому материалу. Сейчас, я, как педагог называю это «актуализация опорных знаний». Неготовность к ответу большинства учеников

была продиктована тем, что они на прошлом уроке не слушали, дома прогуляли, не готовились, так как стояла отличная осенняя погода и ещё присутствовала «червоточина», которая проявлялась очень чётко при общении с Евгенией Петровной.

Сначала ученики поднимались и отвечали: «Я не готов отвечать!» Потом, уже с пересмешкой и одобрительным гулом, смехом и повышенной оживлённостью бросали в адрес учителя, но смотря с улыбкой не в её сторону: «Не буду!»

Ситуация раскалилась до предела и подходила к кульминации, нужно было как-то остановить её «бурный поток». Учительница беспомощно помахивала измерительным учебным метром, но это выглядело не столь угрожающе, сколько смешно. Она поняла, что класс таким образом высказывает к ней пренебрежение. Пренебрежение: за то, что у неё жизнь и так тяжела из-за инвалидности, с хромотой, проблемой с позвоночником и рукой; за то, что её в младенчестве оставили в больнице, не желая возиться с калекой; за то, что она прожила всю жизнь одна, не зная помощи, не зная надежного мужского плеча, как минимум; за то, что она получила образование и имела желание просто учить детей, будущих строителей нашего светлого общества...

Что можно было сделать? Она пробежала взглядом по обезумевшим от восторга, приступов смеха и каких-то, уже не человеческих выражений лиц учеников. И когда она остановилась на глазах стыда за своих одноклассников, сожаления за случившееся и той же безысходности и непонимания, что делать, она поняла, что я – её последняя надежда.

– Саша, ты готов ответить?! – со слабой искоркой надежды.

Я без слов, не стал отвечать с места, вышел к доске, хотя ответ не предполагал каких-то письменных выкладок у доски. Ответ мой был, как всегда полный и содержательный.

– Садись. «Пять» – проговорила учительница и склонилась над журналом, не присаживаясь на стул.

Моя «пятёрка» была окружена в журнале со всех сторон двойками. От этого я ощущал не стыд, я не чувствовал стыда за то, что сделал то, что делал и до этого, ответил на вопрос, который знал и мог ответить. Мне казалось, что эти «двойки», поставленные в журнале, стесняют мою грудную клетку, мою душу. Одноклассники притихли, но теперь их приглушённое шушуканье было обращено в мой адрес.

Учительница не стала объяснять новую тему, видимо поняла, что сегодня не получится, точно. Она взяла журнал подмышку, привычно поправила ремешок наручных часов, которые болтались на запястье из-за худобы её рук, подтянув их почти к локтевому суставу, подняла голову к классу и сказав:

– Урок окончен! – прихрамывая, вышла из класса.

На какое-то время в классе наступила «гробовая тишина». Только сейчас все поняли, что сегодня что-то случилось. Они не понимали ещё до конца, что именно, но что-то такое, чего раньше не было. Они, скорее всего поняли, что сегодня вели себя не очень красиво. Может быть и не все, а те, у которых в груди билось сердце, а не камень и, несмотря на свою подростковую шаловливость, ростки человечности, изгибаясь под воздействием внешних факторов, тянулись вверх к свету, к светлому и доброму.

Быть добру! – я мог бы так закончить, но у меня есть в «загашнике» ещё два примера, может быть и не столь наглядных – это судить не мне, но также произошедших со мной в разные периоды школьной жизни и сразу после окончания школы.

Глава III. «Жирафа»

Успешно окончив восьмилетку, передо мной не стоял вопрос, продолжать учёбу в школе или поступать в техникум. Моя цель была – однозначно, полное среднее образование получать в школе. Мой старший брат, в это время проходившую воинскую службу в г. Урюпинске, известный на весь Союз некогда, крылатым выражением, обучался в СШ №1, что располагалась в самом центре посёлка и с жильём у него проблем не было. Родная наша бабушка жила в непосредственной близости, как говорят «в двухшаговой доступности».

Знакомить меня со школой и сдавать документы я пошёл, естественно с бабушкой. На это были свои причины. В те годы иногородние, как правило направлялись на обучение в школу №2, она считалась более «периферийной», чем наша, более цивильная, «первая». Во-вторых, директор школы, бывший военный, высокий и подтянутый, несмотря на уже солидный возраст мужчина, хоть внушал боязнь от вида, но был «чётким» по-военному в разговоре и, на самом деле, добродушным человеком.

– Варвара Максимовна! – директор приподнялся и своим жестом приветствуя мою бабушку, указал на стулья, – присаживайтесь. Что Вас привело к нам через столько-то лет?

– Да, вот, Андрей Ильич, одного уже внука выучила, другому нужно «десятилетку» оканчивать. Он парень толковый, школу без «троек» окончил и «четвёрок» почти нет, «хорошист» он. И дисциплинированный, паренёк-то.

– Ну, ну! А чего ты голову опустил, боец?

– Так, стесняется, Ильич...

– Нет! Не возьму, как он будет учиться, у него же и языка нет.

Эти слова меня заделали, я вскинул голову и посмотрел в глаза директора, с явной обидой, но быстро понял, что он шутит, что было написано на его добродушном, улыбающемся лице.

– Кем хочешь стать? Когда школу закончишь, ещё не думал, где учиться дальше будешь?

– В военное, наверное, пойду. Брат советует, офицером-связистом хочу быть.

– Похвально, сказал директор. А я в артиллерии, почитай всю войну прошёл. «Бог войны», слышал?

Я не успел ответить, директор испугано посмотрел на мою бабушку – она плакала.

– Максимовна, что с Вами?

– Простите, Андрей Ильич! Сыночка вспомнила. Мой Василёк связистом был. В девятнадцать лет слег от вражеской пули, налаживая порыв связи уже в конце февраля 45-го года. Похоронен там, на окраине г. Губина, в ГДР теперешней.

– Да я помню, Варвара Максимовна.

Я до этого, если и знал, то выпустил из виду, что моя бабушка раньше не один год даже работала в школе техничкой и они с директором, естественно не первый год знакомы.

– А, что же внука Василием не назвали?

– Видимо, дети не хотели, чтобы его судьба с судьбой сыночка повторилась. А вот старшего назвали в честь погибшего в войне дяди, брата моего зятя. Сейчас служит старший внук, как раз связистом.

– Вот она, жизнь-то наша: внуки взрослеют, а мы стареем. Хорошо, так и быть, будешь у нас учиться, раз так.

– Ещё одна просьба, Андрей Ильич, можно?

– Конечно, Максимовна.

– А можно, чтобы внук учился в 9 «А», там классным руководителем, Надежда Ивановна, одноклассница моей старшей дочери Лидии, тоже фронтовички. Она зенитчицей служила. Слава Богу, войну прошла, живёт в Ростове, четверо детей у неё.

– Вот видишь, как тебя зовут? Саша? Саша, видишь, какая у тебя бабушка боевая, а ты тихоня. Небось, в этом «тихом болоте черти водятся»? – выдержав паузу, добавил, – да шучу я, конечно. С периферии, как правило, дети не разбалованы, как наши. Надеюсь, с тебя выйдет толк. Учись!

– Мы поблагодарили директора, откланялись и с чувством решённого вопроса пошли через парк и центр, где бабушка любила продавать тюльпаны на скамье, что напротив универсама, по цене, смешно сказать, по три копеечки букет. У неё во дворе было много тюльпанов, их век недолог, и она спешила, не столько «нажиться» или «озолотиться» на них, сколько предоставить людям радость. Это было время, когда для того, чтобы купить букет хороших цветов, нужно было ехать в город Таганрог. Вот разве, что сезонные тюльпаны и можно было купить, да семечки перед сеансом в кино.

И школа, и бабушкина хатка находились строго по диагонали одного квартала, а потому в неё можно было ходить по двум разным маршрутам с одинаковым расстоянием.

Один маршрут, «верхний» был для меня выгоден тем, что, когда я шёл в школу, на перекрёстке моей уже улицы 1 Мая и ул. Таганрогская встречался с попутчиками и одноклассниками, Сашей, Юрой и Вовой. Саня часто ходил в сопровождении, практически соседа, своим и моим тезкой Саней «Кузей», Кузьменко его фамилия, вообще-то была. И вместе, оставшиеся 300 метров мы шли уже группой. Так же и обратно.

«Нижний маршрут, который мне показала впервые моя бабушка, когда привела меня в школу с документами, был интереснее, но здесь я не встречал своих попутчиков. А в сезон дождей почву в парке «развозило» и потом долго приходилось мыть обувь у входа в школу. Он был тем интересен, что кроме того, что тропа лежала через парк, в нём находился тир, дальше путь проходил через центральную аллею посёлка, где находился кинотеатр «Октябрь» и универмаг.

За универмагом мне нужно было сворачивать направо вверх, где в 100 метрах находилась хатка, даже по тем временам представляющая невысокий, ухоженный, побеленный снаружи домик с двумя крохотными комнатами внутри. Но в нём было очень уютно, возможно из-за того, что комнаты отделала печь, тепло которой и создавало уют.

Получилось так, что я даже не знал, что к 1 сентября, кроме меня в моём же классе будут обучаться ещё два одноклассника-земляка, один из них проживал в соседнем селе, второй в том же селе, но последние два года с нами не обучался, мать переехала в село, рядом с районным центром. Толик же, закончил со мной восьмилетку и определился на квартиру к родственникам в другой стороне от школы.

Ему и в сельской школе заниматься было труднее, чем мне. А тут получилось так, что ему стало «невыносимо», как он сам признался учиться, «двойки», просто «градом» посыпались на голову.

У меня, в отличие от него дела обстояли несколько иначе. Всё зависело во многом от того, кто преподавал эти предметы и частично, повлияло изменение обстановки, наполняемости и состава класса, подход несколько иной к учебному процессу, чем у нас в сельской школе. Нужна была адаптация.

По физике был замечательный учитель, которого все уважали и любили. По математике, учитель хоть и сильно мне приглянулся, хотя и плохого ничего сказать не могу, я понимал, что она мне нужна – нет, не учитель, конечно, математика. И по ней у меня были вполне нормальные оценки. Ну, а дальше всё хуже и хуже. Чего не могу сказать о физкультуре, трудах, где мы изучали тракторы и по окончанию получали свидетельства механизаторов – моя слабость и, конечно, НВП – начальная военная подготовка. Вот я и назвал пять своих любимых предметов.

Что касается химии, то, когда пошла «органика», то я перестал её понимать. А вот, что касается русского языка, по которому даже на выпускных экзаменах, я четверку с трудом получил, по литературе дела обстояли лучше, но там были другие проблемы.

Кто помнит программы тех лет, то, чего стоит изучение хотя бы произведения «Война и мир», когда учитель требовал прочтения именно томов произведения, а не так, как многие и я в том числе, покупали хрестоматию с кратким изложением или выдержки тех романов или повестей, которые изучались по программе.

Учительницу литературы по имени отчеству практически никто не называл, а по школе ходило прозвище «Жирафа», видимо из-за высокого роста. Она была стройная женщина лет сорока, всегда серьёзная и беспринципная. Требования, предъявляемые ею, были жёсткими.

Мой земляк, Толик, не доучившись и двух месяцев, бросил учёбу, махнув на всё рукой и, раз он был почти на год старше меня, вскорости пошёл служить в армию.

Я же терпел, стиснув зубы, до головокружения читал пухлые тома произведений классиков, у меня в голове была каша. А что касаясь произведений наизусть, так с этим у меня проблемы были с самого детства. И только благодаря упорству работы над собой, я достиг определенного равновесия и, если можно сказать баланса в оценках средним баллом, в котором стала оценка 3,5. Да, двойки, конечно проскакивали, но не редки были «четвёрки» и, изредка» даже «отлично» стояло в дневнике, который добросовестно проверяла бабушка и за родителей расписывалась.

Конечно, можно было её в чём-то обмануть, не сказать, не показать, но я этого не делал. У нас были доверительные отношения, старался её меньше огорчать.

Сложность подготовки к урокам была еще в том, что в одной комнате, который считался залом и был размером 3х3 или 3х4 метра, дважды в год, а по сути, кроме лета, когда я на каникулах, бабушка брала ещё двоих парней, которые обучались на курсах водителей.

Комната имела два окошка вперёд, но раз хата стояла к улице не фасадом, а боковой стенкой, то окна выходили в палисадник, ещё одно окно у моей кровати выходило в маленький дворик и из него была видна через огород соседней улице Садовая, за которой начинался парк. Один парень спал напротив на кровати, а второй в проходе на раскладушке. Утром её, конечно убирали, иначе в комнате вообще не повернешься.

Любимым занятием моих сожителей по комнате была игра в карты. Под настроение, бабушка тоже была не против «забить» партейку-другую в «дурачка». Тогда им нужен был четвертый. Я старался, пока они отсыпались после занятий или учебного вожделения или были на занятиях сделать хотя бы письменные задания. С устными было проще, можно бы упасть на кровать, отвернуться к окну, свет от лампочки в центре комнаты при этом освещал мне текст и, если мог сосредоточиться в таких условиях, то мог подготовить на завтра устные задания. Благо, что ежедневно в ДК демонстрировались фильмы, на которые я ходил реже, по понятным причинам, а будущие водители чаще.

Но у меня с самых начальных классов была хорошая привычка, я запоминал рассказ учителя и мог пересказать его своими словами. А учить что-то наизусть, как было проблемно, так и осталось.

Короче, месяца за два я хорошо притёрся и среди одноклассников и учителя успели понять к какому разряду меня причислять, если что: к благонадежным или неблагонадежным.

Думаю, что чаша весов в то время перевешивала в сторону благонадежности. Что касается успеваемости, то среди четвертных оценок, маячили 3—4 «тройки» железно. И, если сравнивать с текущей успеваемостью в первый месяц обучения, было очень и очень неплохо, если учесть, что и пятёрки где-то столько, что создавало скользкое равновесие в сторону «условного» хорошиста.

Я не был: скандалистом или безропотным исполнителем чьих-то указаний, даже, если они противоречили моим принципам; сплетником или доносчиком и чьим-то любимчиком-подлизой; активистом в классе, так как был им в сельской восьмилетке. Я просто был «средне-статистическим» учеником и по успеваемости, и по дисциплинам, по дисциплинам даже выше среднего.

С одной стороны, в то время, если что-то натворил бы, родители, если и узнали, то далеко не сразу. Правда, бабушка могла быть об этом осведомлена, встретившись с классной руководительницей или каким-либо знакомым учителем. Но и не поэтому я старался вести себя тихо и адекватно, а потому, что я был таковым с детства, так воспитал, а волю эмоциям мог дать только вне школы после занятий.

На этот раз к уроку литературы, на который «Жирафа», наш учитель, так нас настрашала и угрожала, что эта оценка может сказаться даже на четвертной, что к четвертому уроку класс не уходил даже по обыкновению на перерывы, все эмоционально обсуждали, какие «контрмеры» мы могли предпринять. После недолгих диспутов, даже путем голосования было решено всем до одного бойкотировать урок. Если кто останется на урок, тому будет всеобщее презрение.

Отношение к учителю и к той мере протеста, против её, как нам казалось «беспредела» было практически единогласным, с единственной разницей, что кто-то решил в школу сегодня уже не возвращаться, а таких были единицы и те, которых было большинство и я в том числе, планировали прогулять всего час, с учётом перерыва и явиться на последний урок. У нас не было в планах срывать урок того учителя, отношение к которому было у нас больше, чем здоровое.

План строили на ходу. Выйдя из школы, прошли через парк, где частично потоки распределились по группам, а основной, изъявив желание спуститься к речке Миус в районе моста, чтобы полюбоваться осенними красотами. Никаких «переборов» или «перегибов», типа «по пивку» или «по пять капель» не было. А о таких вещах, как «косячка забить», тем более «ширнуться», то мы таких понятий не знали. Слова «оттопыриться» или «поймать кайф» были не из нашего комсомольского лексикона.

Мы гоготали, радуясь «свободе», которую приобрели, хоть и ненадолго, возможности пообщаться вне школьных стен, порадоваться прекрасному дню уходящей осени. Было солнечно, но уже свежо и Наташа, живущая совсем недалеко от речки, пригласила всех на 20 минут послушать живую музыку. Она играла на пианино, я об этом не знал. Скажу больше, что то исполнение, которое я услышал в этот день, было моим первым знакомством с живым звуком клавишных инструментов.

Конечно, я знал и много раз слышал звук баяна на свадьбах, струнных инструментов, гитары, балалайки и мандолины (учительница музыки совсем неплохо владела ими), но игру на пианино вот так запросто, даже не в концертном зале, а в тесной, как говорится, дружеской обстановке, впервые. И это, я сейчас больше, чем уверен, несовершенное исполнение молодой 16-летней девушки оставило в моей душе такой глубокий след и просто отчетливое понятие, что собой представляет именно «живая музыка». Я был в восторге и радовался, как дитя. Я был счастлив, что мне предоставилась такая возможность и пусть после этого что угодно будет, но этот день я запомню на всю жизнь, даже, если я через три-пять-десять лет стану известным музыкантом.

Я не стал музыкантом и это замечательно, что ещё раньше мне «на ухо медведь наступил». Если бы не это, то и Наташины вариации для меня не были бы, возможно, тем счастливым чувством, которое я испытывал.

Мы возвращались, стараясь не опоздать на последний урок и все были в настроении, и никому в голову не могло прийти то, что нас ожидало. Еще войду в школу, мы почувствовали какое-то странное предчувствие. Поднялись на второй этаж и направились налево, в восточное крыло здания, где крайним был кабинет НВП и наш учебный класс одновременно. В классе у доски стояла классный руководитель, Надежда Ивановна, за столом сидела зауч.

Две пары глаз, бурлившие нас насквозь, без малейшего намека на «розыгрыш», что прослушивалось в «железе голоса», приказали всем остановиться у доски. Нотации были непродолжительные и в заключении прозвучало:

– Всем идти за родителями! И сегодня же, чтобы они явились сюда в школу, для того чтобы узнали, что творят их дети, на которых они, наверняка возлагают надежды.

Кто-то дернулся за портфелем, но его движение резко оборвали окриком со словами:

– Портфели вы заберёте только тогда, когда придут родители. Без родителей вам и завтра в школе делать нечего.

Возможно, что те, кто, забрав портфели и не явились вообще на последний урок, были самые несерьезные ученики, от которых педагогический коллектив школы не возлагал надежд и могли ждать всего, чего угодно, были самые, как бы сейчас сказали «прошаренные». Но, уверен, они тоже этого не могли предусмотреть, так как могли и без общей акции «неповиновения» уйти с последнего урока, как не раз это делали.

Но, а мы, костяк, даже так можно сказать класса, а ни у кого не нашлось прозорливости предвидеть «подводные камни». Нет, не были мы Алёшиными, Корчными или Спасскими и не могу просчитывать ситуацию больше, чем на два хода. Как говорят, «каждый опыт и неудачный – есть опыт, который чему-то учит».

Мы хотели преподать урок учителю и преподали. Какими были оргвыводы на педсовете или общем собрании учителей школы, мы не знаем, но то, что наш, тихий, без шума и крика протест в форме игнорирования учителя, путём срыва урока, рассматривался там однозначно.

В тоже время мы получили свой «внеклассный» урок и тоже сделали выводы, каждый свой и в меру своего склада ума, характера, темперамента и эмоциональности, в зависимости от пытливости юношеского мышления и умения анализировать факты и делать правильные выводы. Это вам не «матанализ», господа. Это больше. Это первая попытка протеста против того, что, по нашему мнению, могло сломать нас, как личность и умение делать правильные выводы и стараться впредь не совершать необдуманных ошибок.

И сейчас мне приходят на ум только слова великого А. С. Пушкина:

О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель.

Как мне стыдно было говорить бабушке, что её приглашают в школу по поводу моего неадекватного поведения. И не говорить не мог, так как в этом случае мне пришлось бы ждать еще три дня до выходного, ехать домой, объяснять родителям что и как, а они в свою очередь решить вопрос с подменой на работе. Короче, мне целую неделю были бы обеспечены каникулы.

А ещё могли бы, как самого неисполнительного ученика «пропесочить» в стенгазете, тогда хоть еще неделю в школу не ходи. Целые каникулы и не осенние, а зимние вышли бы.

Долго я готовил бабушку, но она, не раздумывая, с причитаниями, но всё же пошла, причитая по дороге и спеша за мной, как она сказала:

– Веди, разгильдяй! Глаза бы мои тебя не видели. Дожилась на старости-то лет...

И хорошо и плохо было то, что беседовала с бабушкой, её давняя знакомая, ещё будучи девушкой и подружкой её старшей дочери, моей тёти Лиды.

Лет шесть, после случая с «тройкой» по русскому, я не испытывал никогда такого стыда, унижения и одновременно непонятного чувства, которое толкало меня взять «последнее слово» для оправдания, перед вынесением вердикта «суда», но зная, какая может быть реакция бабушки, не стал испытывать судьбу. Стойко перенес и принял, как доброе все порицания и когда у меня спросили, если что сказать, не стал оправдываться и обвинять кого-то, а ответил кратко:

– Постараюсь совершать поступки, за которые, бабушка, вам краснеть не придётся, как мне подскажет совесть.

За комсомольскую честь и совесть, о которой мне напоминали, речи не шло. Я говорил о своей гражданской совести, гражданина Великого Советского Союза, будущего строителя коммунизма, до построения основ которого, если можно было верить девизам Н. С. Хрущева, оставалось 10 лет.

Во, заживем, – думал я ещё, когда в учебниках появились красивые, обещающие картинке, где говорилось о бесплатном обучении, здравоохранении, проезде на транспорте, продуктах питания, все должны быть обеспечены жильём и пр. Вот только о совести, чести и достоинстве ничего не было сказано ни слова. Ну, да ладно.

Справедливости ради нужно сказать, что наш протест всё же пошел на пользу, учительница старалась соответствовать в своих требованиях к нам в плане требований к компетенциям, предъявляемым к выпускникам школы, к тому, что мы должны знать и уметь и критериям оценок. Проще говоря, двухсторонние отношения улучшились.

С одной стороны, я понимаю учителя, если смотреть на эти вещи, применяя поговорку «За одного битого двух небитых дают». И в этом есть здоровое зерно. А с другой стороны «нездоровые отношения» где бы они не возникали, никогда ни к чему хорошему не приведут, кроме негатива и взаимной неприязни.

Глава IV. «Испытания на прочность»

После того, как старший брат пришел из рядов вооруженных сил, а случилось это тогда, когда я перешел в десятый класс и рассказал об интересной службе, причём упор делал на том, какая бесподобная служба у офицеров. Он настойчиво уговаривал меня:

– Ну, что ты теряешь? Будешь одет, накормлен, служба те то, что у строевиков на плацу, подумай. Будешь сидеть где-то и командовать взводом или ротой РЛС (радиолокационные станции) и на пенсию в 45 уже выйдешь. Что ты теряешь, брат? Я бы тоже пошел, но не поступлю. А ты учишься неплохо. Не пойдешь – пожалеешь!

И уже с осени этого года, после очередной медицинской комиссии в военкомате, я, завив о своем желании, начал готовиться к поступлению. Заполнял многочисленные формуляры в военкомате, писал автобиографии и прочее. До 1 апреля нужно было уже подавать документы через военкомат. Интерес выбора именно этого военного училища был продиктован ещё тем, кроме того, что меня привлекала сама по себе радиосвязь, будь то радио или телевидение, оно размещалось в г. Новочеркасске, всего в 120 км от дома и ещё славными традициями столицы донского казачества.

Из класса у нас после окончания школы собирались поступить в различные военные училища человек 6—7, в авиационные, Рязанское десантное и другие, достоверно знаю о трёх поступивших. Но обо всём по порядку.

Сдача выпускных экзаменов и, собственно говоря, их результаты на итоговые оценки в аттестате не влияли. К сожалению, я это узнал только тогда, когда получил документ на руки. Наивный я всё же был, когда, как в спорте, думал, что сделаю финишный рывок, успешно сдав экзамены и повышу средний балл, которые стали также учитывать при поступлении в ВУЗы и военные училища в том числе.

О том, как я учился, я рассказывал. Скажу больше, порой считал лишним «выкладывать все козыри на кон», а вдруг они понадобятся позже, как бы хотел сберечь силы. Вы смеетесь. И правильно делаете, я потом над собой тоже от души смеялся.

Сдал я все экзамены школьные, кроме химии и иностранного языка на «отлично», а итоговые были всё те же «четвёрки» и даже «тройки». Средний балл чуть не дотягивал до «четверки». Но это не смертельно. Никто тогда, при поступлении знать не мог какой будет набор, конкурс на место и какой балл станет «проходным». Теперь важно было вступительные экзамены сдать не хуже школьных.

Ехали мы поступать в Новочеркасское высшее военное командное краснознаменное училище связи (НВВККУС) втроём, кроме меня, парень с параллельного класса, Петя, спортивного телосложения, что я отдыхал и паренёк из сельской школы, Лёха, этот отдыхал по форме физической подготовки и от меня, уж сильно хил казался, но комиссию прошёл, значит – «годен».

Я впервые был в Новочеркасске. До этого всего дважды был в Ростове, в 10 лет на цирк мама возила и второй раз в 14 лет, мама взяла меня в поездку к старшему брату, который служил в г. Урюпинске в войсках связи. Теперь я подумал, видимо это и есть судьба. Городом нам не пришлось долго любоваться. Всех абитуриентов собирали в с. Казачьи лагери, в 20 км от г. Новочеркаска. Туда можно было доехать и электричкой, и автобусом.

Что представляла в то время территория, на которой мы находились. Довольно просторная территория, на которой были капитальные строения: администрация или вернее, наверное, сказать, командование; здание столовой; учебный корпус; санчасть, ну и все важные объекты я перечислил. Территория была обнесена колючей проволокой, на въезде оборудована КПП.

Примерно посередине был сооружен палаточный городок, в который нас и расселили по военному расписанию: роты, взводы, отделения. В каждой палатке размещалось отделение,

которому присваивался, естественно номер: «первое», «второе» и т. п. Командиры взводов были курсанты, отучившиеся в училище 2—3 года, имели уже сержантские звания и находились здесь на стажировке. Ротами командовали, офицеры, видимо преподаватели или специалисты по специальной подготовке.

Сначала всё было безумно интересно, пока не пошли дожди. А с дождями, кто находился в брезентовых палатках, тот знает, как в ней переносить дождь, жару или комаров. И не знаешь, что из всего лучше всего. Наверное, самое противное – это нашествие комаров.

За нами, если стоять лицом к КПП, располагалась река Грушевка, а слева село, откуда особенно вечерами, слышались голоса, шум, гам, лай собак и грохот техники. За КПП, чуть левее, располагался остановочный пункт электропоездов. А в ночное время можно было наблюдать за освещенными окнами скорых и пассажирских поездов в сторону г. Москва и в обратном направлении на г. Ростов и на юг.

За железной дорогой располагалась лесополоса, отделяющая её от автодороги в направлении г. Шахты и г. Новошахтинска на север. Между нашим палаточным городком и ограждением из колючей проволоки был пустырь с растущими беспорядочно деревьями и в конце, напротив остановочного пункта размещался довольно густой кустарник, преобладал в котором терновник.

В свободное для подготовки время, нам разрешалось гулять по территории и были указаны ограничения куда нельзя заходить, кроме колючей проволоки. Лето, как и полагается, для южных широт, где находилась колыбель донского казачества, было знойное. Лично я различаю три пункта неразрывно связанных с рождением и развитием казачества на Дону – это в первую очередь станица Старочеркасская – основанная в начале 16 века, г. Новочеркасск, куда впоследствии перешла столица и Казачьи лагеря – летние стойбища казаков, где проводили сборы казаков и военнообязанных, а также велась переподготовка личного состава.

Кроме подготовки, конечно же мы знакомились друг с другом, узнавали больше об их малой родине. Вечером, придерживаясь распорядка, собирались в кругу, где кто-то из нашего отделения прихватил из дому гитару. Вот это было истинное наслаждение. Говорили, конечно, о Высоцком, о группе Битлз, о политике, обо всем.

Засиживался с нами и взводный. И в один вечер, не сдержался и рассказал нам одну страшную историю, от которой немел разум, не желая принимать сказанное за действительное. Он начал свой рассказ с того, а что вы знаете о столице казачества. Ну, мы наперебой рассказывали то, что мы знали на уровне программы предмета «Край родной», кто-то чуть больше.

– А кто знает, какие события происходили ровно 10 лет назад? Не знаете? – может и мне не стоило говорить, но, если будете язык за зубами держать, то расскажу.

Мы оцепенели. Что могло произойти, чтобы это было какой-то военной или другой тайной.

Сержант начал нам рассказывать то, что ему рассказали старшие курсанты и так по цепочке пришла и его очередь раскрыть какую-то тайну.

– В 1962 году, во время правления Никиты Сергеевича Хрущева, Совет министров предложил, Политбюро одобрило и так «по цепочке» Указ о повышении цен на продукты питания, кроме того, были приняты постановления о снижении уровня заработной платы рабочих.

Рабочие НЭВЗа, в свою очередь, недовольные этим пошли мирной демонстрацией с протестом сначала к зданию заводоуправления, а получив отказ в своих требованиях, решили обратиться в горсовет...

Мы, открыв рты слушали ту правду, которую, если кто и знал, то молчали из-за «подписки о неразглашении». Получается, что «кровавое воскресенье» было не только 9 января 1905 г., но и то, что произошло в Новочеркасске 1—3 июня 1962 г. Точных цифр убитых и пострадавших сержант не сказал, но поведал истории, рассказанные свидетелями тех страш-

ных событий. Особенно меня покорило даже, когда прозвучало, что в расстреле мирных граждан принимали участие сотрудники КГБ, милиции и армия.

Последнее мне врезалось глубже всего в разум – солдаты стреляли в мирных людей, те, которые стоят на защите рубежей и мирного труда народа стреляли?...

Мы понимали, что это делалось по приказу командования, но жертв трагедии никогда не вернуть и доверие к правоохранительным (как звучит хорошо) органам и военным, как вернуть?

Какая «капля дёгтя» упала в «бочку мёда», которую я ещё не открыл, а взялся открывать, думая, как это сделать лучше. После этого рассказа, какое-то время веселые модные песни не пелись, душа их не могла воспринять, была заполнена тяжелым грузом и нужно было время для его разгрузки. Постепенно рассказ про страшные события забывался и этого еще требовала подготовка к экзаменам.

Каждый готовился по-разному, я применил очень действенный вид шпаргалок, которые я готовил на точные науки, математику и физику, где важным было и для доказательств, а еще больше, при решении задач формулы. Я писал только формулы и всё. Кто-то писал шпаргалки по старинке на небольших листиках-записках, кто-то делал из лент «гармошки», они были более компактны. И я вспомнил, как наши девчата в школе писали «шпоры» ручкой прямо на бедрах, если они полненькие аппетитные, то там много чего помещалось. Оставалось только поднимать полу платья выше и им хорошо, и нам, пацанам приятно было наблюдать это «эротическое шоу» прямо на экзамене.

Я писал «шпоры» на гранях простых шариковых ручек иглой. Вы не ослышались, царапал иглой формулы. Иначе говоря, Левша, после этого просто посапывал обиженно в сторонке. Сейчас не помню откуда я взял эту технологию, но она меня устраивала потому, что у меня знания были свежи хорошей подготовкой к экзаменам в школе, а это больше для уверенности и, не дай Бог, если растеряешься в такой новой обстановке.

Вот сейчас сижу и думаю, как можно было писать на гранях, шириной не более пяти миллиметров иглой, которая, наверняка дрожала в руках и вонзалась в левую руку, которой я её держал, «двухъярусные формулы», но получалось же. Жаль, что такой шедевр не сохранился для потомков.

Распорядок у нас был, конечно, военный: подъем, время на туалет, физзарядку, строем на завтрак и обратно, ... Не помню через сколько дней был первый экзамен, но весь процесс сдачи продлился 3—4 недели.

Первым и самым волнительным, потому что в таких условиях и для достижения заветной цели были впервые. Здесь много значил настрой. Честно скажу, что волнения были, но я был в себе уверен. Когда брал какой-то устный вопрос, к примеру, мысленно отвечал на него, а потом открывал учебник и сверял или для контроля просил кого-то уделить мне пару минут и был доволен результатом. Это меня и успокаивало.

На экзамен шел уверенным. Но на первый всё-таки волнение было естественно, сравнительно небольшое. Математику письменно написал блестяще. После того, как сдал работу, только подмена её могла испортить мне оценку. Когда объявили результат: у меня «отлично», у Лёхи «удовлетворительно», у Пети «неуд». Петя с нами распрощался, пожелал удачи и уехал в родной Матвеев Курган. Мы вдвоём продолжили «забег».

Второй экзамен подкосил Лёху, после «шарабана» по устному экзамену по математике, я проводил и его домой. В наших палатках появились свободные места и по лицам некоторых из них читалось такое же беспокойство, как у участника розыгрыша лотереи – выпадет или не выпадет счастливый шар. Но в экзамене присутствует лотерея только в том случае, если успел, скажем вы зубрить половину билетов и мечтаешь, чтобы именно те вопросы попались. Но, теорию вероятности никто не отменял, счастливчики были, но все больше тех, как

и в настоящей лотерее, выпадал лишь «бублик». Моя уверенность укрепилась, после второй «пятерки».

Немного отступлюсь от экзаменов и расскажу какие нас еще ждали испытания, кроме них. Кто помнит, в СССР в 1970 году свирепствовала эпидемия холеры. Много случаев было в южных городах страны, в Одессе, Херсоне, Астрахани. Не помню, где заразился, но умер в г. Таганроге летом этого года на 45 году жизни Герой Советского Союза, уроженец моего село Парамонов Павел Денисович. Почему я об этом пишу подробно. Есть два «потому что». Первое, когда я буду через несколько дней писать сочинение я выберу тему о Героях земляках.

А о второй причине расскажу еще подробней.

Мне предстояло пройти ещё одно испытание, и оно совершенно не связано напрямую с экзаменационными испытаниями, но так или иначе повлияло итоговый результат, однозначно.

Хоть и прошло со времени тех страшных событий, холеры в южных городах страны. А то, что эпидемия не разнеслась, как в настоящий, насущный и тревожный момент с пандемией коронавируса, в этом огромная заслуга советской медицины и оперативность принятия организационно-административных мер на всех этапах и инстанциях.

Вот действительно, могли же оперативно принимать меры в те, «застойные», как привыкли говорить времена. Мне кажется (креститься не буду), что случись эта пандемия в те годы, с ней бы покончили так же быстро, как и в Китае.

Не беру Китай. Южная Корея в этом году может быть примером, как нужно бороться с эпидемией. В первую очередь ответственное поведение граждан – часть культурной традиции, когда каждый помнит о личном пространстве другого и старается поступать так, чтобы не нарушать общественную гармонию. Такой образ мысли очень помогает во времена кризисов, потому что диктует поведение во имя общего блага. Во-вторых, их высочайшая компьютеризации не только процессов, но и всех жизненных аспектов граждан.

Упаси Бог, если что-то у них, как и в Китае, ослушается и нарушит рекомендации Минздрава или, как у нас Роспотребнадзора. Их ждёт неминуемое и незамедлительное наказание. Неважно, денежным штрафом или сроком заключения. Важна великая сознательность граждан. Как у нас сейчас, вы сами все видите и знаете.

Возвращаюсь в лето 1972 года. Казачьи лагеря. Возможно, опасаясь возобновления эпидемии холеры или дизентерии, на всей территории лагеря, кроме информационных бюллетеней развешенных везде и всюду, нам постоянно проводили инструктажи и напоминания, что «льзя», а что «ни-зя».

В чём заключались «ни-зя»? Нельзя было принимать передаваемые каким-то образом на территорию лагерей передач со свежими овощами и фруктами. Мыть руки необходимо было только в общих рукомойниках, установленных на улице и имеющих общую емкость, приподнятую для создания самотёка и множество точек для умывания с пимпочками, замыкающими конусной частью истечение воды, а ниже располагалось под уклоном корыто-желоб для стока воды. Всё вспомнили, если были в те далёкие времена в пионерском лагере, там тоже такие устанавливали.

Но важно то, что умывальник пополняли водой и при этом не забывали обильно добавлять туда хлорку. Хлоркой пахло, если можно так назвать запах и действие на глаза, выедавая их буквально. Но это цветочки. А ягодки в том, что нам запрещалось пить какую-либо воду вне питейных бачков. Многие помнят оцинкованные 40 литровые емкости, с установленным в нижней части краном. Туда заливалась вода для питья и тоже бросали изрядное количество хлорки, и никто не задумывался над дозировкой, насыпали по принципу «кашу маслом не испортишь».

Я вспомнил тот отвратительный вкус и запах, меня передернуло от этого и стошнило. Жара невыносимая, пить хочется и пили, конечно. Не буду судить, чего в этом больше; вреда или пользы, но выжили же.

К нам уже предъявлялись требования, как и к военнослужащим, с той лишь разницей, что они приняли присягу, а мы нет. Но это правильно, нужно было постепенно приучать к военной дисциплине, азы которой мы уже прошли на занятиях в школе по начальной военной подготовке (НВП). И, если к тем знаниям, добавить те, что мы получили за месяц пребывания в лагерях, то слаживалось уже, хоть смутное, но представление о будущей службе в рядах ВС СССР, хотя бы рядовым.

А время неумолимо двигалось вперед. Мы здесь начали себя представлять, как в соревнованиях «на выживание», подобно популярным на телевидение играм «В порт Бояре» или «на необитаемом острове». И это добавляло в кровь адреналина, бесспорно.

Физика была моим любимым предметом и я шёл на экзамен, поднимая дух моим товарищам, подбадривая их тем, что «половина пути позади, нужно собраться, без волнения, так как волнение – плохой помощник на экзамене» и мы строим, кто, как на праздник, а кто, как на эшафот шли в учебный корпус, где нам, хоть и привычно по устному экзамену по математике, нужно было вновь в режиме, как сейчас говорят «онлайн» доказать экзаменатору свою пригодность к освоению новейших образцов военной техники.

Я не был излишне самоуверен. На первых двух экзаменах, если и присутствовало волнение, то из-за неизвестности процесса, новой обстановки, требовательности экзаменаторов и критериев к оценкам, а вдруг они завышенные намного, чем для школьников-выпускников в школе.

Оказалось, что здесь тоже люди сидят на стульях экзаменаторов, только в военной форме и погонах с различным офицерским званием, чаще старших офицеров. Экзаменатор, которому мне выпало объяснять устные вопросы и ход решения задачи, а затем без запинки ответить на 3—4 дополнительных вопроса, улыбаясь, без раздумий поставил в ведомость оценку «5», спросив, как-бы не по уставу:

– Есть желание стать военным?

– Так точно! – стараясь в меру громко, но, чтобы не мешать процессу диагностики «остаточных» знаний абитуриентов, пытаюсь доказать, что командный голос уже отработан.

Майор, ещё шире улыбнулся и по-отцовски пожелал:

– Будешь! Успехов!

Какой сегодня был прекрасный день для меня, хотя погода была, как и вчера и позавчера, ничего примечательного. Но у меня он был замечательным, настроение поднялось выше флага на площадке для построений. Ещё на одну ступень я успешно поднялся, оставалось сделать «финишный рывок» и цель достигнута.

И тут, как я не раз повторялся «на самом интересном месте...»

Начать этот раздел главы мне так хочется, что даже руки зачесались, с высказывания Фаины Раневской, моей землячке, из Таганрога, обладающей прекрасным чувством юмора. Она любила шутками отвечать на серьёзные вопросы. Ну, вот, к примеру:

«Всю свою жизнь я проплавала в унитазе стилем баттерфляй».

И ещё одно высказывание в тему, если позволите:

«Если больной очень хочет жить, врачи бессильны».

Ну и совсем этически нескромное высказывание... Хотя кто это говорит? Человек, совершающий аморальные поступки, которые лучше проступками назвать. Так и быть и это скажу. А, если серьёзно, то по сравнению с тем, что позволят себе литераторы современные, режиссёры, артисты эстрады, отчего и уши вянут и глаза из орбит вылазят, высказывания, во-первых, не мои и во-вторых, что они столь безгрешно-наивны, что вы меня не осудите за это.

Раневскую как-то спросили:

«Фаина Георгиевна, как ваши дела?»

«Вы знаете, милочка, что такое говно? Так вот оно по сравнению с моей жизнью повидло», – отвечала без раздумий актриса.

Вот на этой ноте и начну повествовать о немаловажном случае, который произошёл со мной «на самом интересном месте...», как я и хотел настроить читателей, прямо в канун подготовки и сдачи последнего вступительного экзамена. А случился неожиданный и очень неприятный казус.

Вот точно не помню, из-за чего всё произошло. Толи нас, оставшихся в гордом меньшинстве «участником гонок на выживание», решили накормить чем-то вкусеньким или, чтобы быстро портящиеся продукты не пропали, может быть, даже начали пропадать, или кому-то передали всё-таки «с воли» что-то недозволенное, но это имело эффект и какой. У меня с детства желудок отличался от утиного не только тем, что не мог проглоченные монеты переваривать, даже специфическую пищу и в случае несовместимости принимаемой пищи не воспринимал, как нужно – сопротивлялся, как только мог, начиная от резей и заканчивая диареей, хотя у нас в простонародье её называют более понятным и от того неприятным названием, которое для «ясности» сознания и меньшего засорения памяти грязными словами из разговорного лексикона. Хватит, что я Раневской «крылатые» изречения привёл.

Чтобы подготовить вас к этому случаю я и говорил много раньше о санитарных мерах в лагерях, направленных как раз на предотвращение таких вот случаев. Как говорят сейчас, «где-то система дала сбой». Возможно, что и сам тому стал виной, расслабившись, под впечатлением успеха. Вполне возможно, не отрицаю.

С оперативность, о которой я вам рассказывал, меня изолировали в отдельную палату санчасти, в лазарет. Передачи от продуктов до учебников или тетради для написания шпаргалок, хоть я их и не собирался их писать, ничего нельзя было приносить и передавать мне в палату. Вот так подумал сейчас, а чем она от палаты в психушке отличается и понял, что почти ничем, но там общие палаты, а у меня одиночка, лазарет, мало чем отличающийся от тюремного «карцера».

Можно только представить, как невыносимо долго тянулось время в душной палате с не отрывающимися окнами и маленьким вытяжным вентилятором в верхнем углу рамы, вместо стекла. Стекла окна наполовину были покрашены краской, а если стать на кровать, можно было видеть пустой двор с тыльной стороны санчасти. Все описанные мной ранее строения располагались с обратной стороны санчасти. И от этого было в разы тоскливее. Мой старший внук, если бы ему это рассказать, и при условии, что он внимательно слушал бы, после этого рассказа сказал бы мне, как в анекдоте: «Деда, так ты „динозавр“, что и по сотовому ни с кем пообщаться нельзя было или СМС отправить?»

Да, времена и годы. Как шагнул вперёд прогресс, с развитием телекоммуникаций, то есть тот профиль, по которому я имел желание получить военную специальность. И, мало того, что на 25 лет вперед был обеспечен престижной, а в одно время, даже презируемой работой, с нищенской зарплатой, тяготами и лишениями, а после, опять был поднят престиж военных профессий. Да и на гражданке с такой профессией можно было найти работу, думаю.

А в то время я еще думал, у меня из головы не выходили рисуемые воображением картинки: вот я, молодой лейтенант, которому было доверено охранять мирный труд и покой граждан, команду взводом солдат, которых бросили на усмирение восставших рабочих. И на этой рисованной моим больным воображением картине, я не вижу генералов и полковников. Я только вижу шумную толпу простых рабочих с лозунгами и плакатами, на которых их требования. У меня перед глазами стояла картина, что лица возмущенных людей скрываются за огромным плакатом, на котором крупными буквами написано: «МЯСО, МАСЛО, ПОВЫШЕНИЕ ЗАПЛАТЫ».

Я слышу в наушники ротной радиостанции истошный крик командования «...остановить любой ценой... стреляйте, лейтенант... я вас под трибунал...». Холодный пот прошибает меня, выступает на лбу и затылке. Голова сейчас расколется, как перезревший арбуз от малейшего толчка извне. Нужно срочно принимать решение или толпа сомнет меня и моих подчиненных, выставивших на изготовке автоматы в сторону, уже даже не протестующих, а огромного на всю площадь плаката. Но за ним-то люди, мирные люди, у которых дома сидят голодные дети и просят кушать, труженики, которые своими мозолями зарабатывали себе на хлеб и беззаветно любили эту Родину, руководители которой приказали в них стрелять.

Как можно стрелять в тех, кто менее, чем 20 лет назад ценой здоровья и пролитой крови на своих руках принесли Великую Победу, подняли из руин страну, восстановили и вновь построили заводы и города, своим добросовестным трудом делали свой вклад в строительство развитого социализма и не их вина, что «забуксовала», принятая ещё И. В. Сталиным программа планомерного снижения цен на продукты питания и, то, что пошла черед неурожайных лет, и, как обухом по голове резкое повышение цен, снижение расценок на выполняемые работы и повышение норм выработки... Какая могла быть реакция рабочих, если администрация завода их грубо «отфутболивает» со словами «Нет денег на пирожки с мясом – жрите с ливером»?

Чтобы я мог сделать в этой ситуации? Смог бы, как генерал Матвей Шапошников, Герой Советского Союза, заместитель командующего Северо-Кавказским военным округом, не подчиниться приказу сверху стрелять по движущейся колонне из танков, ответив, что не видит перед собой такого врага, против которого стоит использовать бронетехнику.

В противном случае жертвы исчислялись бы не десятками, а тысячами. И этого не произошло только благодаря тому, что генерал, взяв всю ответственность за неисполнение приказа на себя, спас тысячи людей. И мало того, хотел предпринять попытку полностью исключить жертвы.

Увидев рабочих,двигающихся прямо на него, генерал отдал приказ своим частям, согласно которому всё огнестрельное оружие должно было быть разряжено, а боеприпасы сданы командирам рот для предотвращения чрезвычайных происшествий.

Но, кроме подразделений, подчинявшимся ему были другие, были еще сотрудники КГБ и милиции, снайперы, залёгшие на чердаках зданий с хорошим обзором площади. И жертв, естественно, полностью избежать не удалось.

Только значимые заслуги помогли Герою Советского Союза Матвею Шапошникову избежать уголовного преследования. Умер генерал в 1994 г. На его могиле в Ростове-на-Дону был установлен памятник, на котором выбиты следующие слова: «У каждого есть своя война и свой Новочеркасск, но не каждый выходит из них так, как Матвей Кузьмич Шапошников».

Мог бы я, нарушив Воинский Устав и приказы вышестоящего командования, в случае повторения такой чрезвычайной ситуации, как генерал Шапочников, потерять перспективную карьеру и, возможно даже, свободу пойти на путь предательства интересов Родины и социалистического строя, ради спасения людей? Ох и вопросик я себе задал. У меня от воспаления и так температурило, хоть и давали микстуры и кололи уколы. Кроме того, июльская жара днём с душными ночами давала себе знать и плюс к тому вот этот «мозговой штурм».

Время подумать у меня было в излишке, отвлечься было нечем и потому душа моя болела невыносимо. Я не замечал даже определенного дискомфорта от болезни, у меня страдала душа и, казалось этому конца не будет.

Через пару дней я пошел на поправку и мне разрешили самому ходить в столовую, только тогда, когда все уже закончат прием пищи. Слава Богу (вот видимо, когда у меня атеистические убеждения подверглись сомнениям впервые), я увидел солнечный свет не только в вечерние часы и закаты, но и в зените и ещё не палящее, а ласкающее и душу, и тело утром, когда шел на завтрак и не строем, а вразвалку, неспеша.

А назавтра последний экзамен. Допустят ли меня или из-за этой нелепой случайности придётся распрощаться со своей мечтой. Да, нет, уважаемые, это не случайность. Случайностей, как таковых совсем не бывает. Бывают случаи, даже искромётно короткие события, имеющие в судьбе большое значение. Просто это мы осознаем не сразу, а намного позже, когда понимаем, что какое-то событие было предначертано задолго до него и благодаря этим предсказаниям Свыше, нас пытаются предупредить, направить по верному пути, заставить верно мыслить и совершать благородные поступки. Я это твёрдо уверовал. И первые убеждения начали во мне формироваться с сомнений и размышлений во время даже полубредового состояния в лазарете.

У меня не было ничего, что могло помочь мне в подготовке к сочинению. Еще до того, как я попал сюда, на территории лагерей были пойманы распространители шпаргалок, изготовленных на фотобумаге с уменьшением текста и самого формата. А еще говорят, что предпринимательство зародилось уже с развалом Союза и становлении страны на путь «развивающего капитализма». Вот вам пример. Вот, если бы они еще и налоги платили, их бы, и никто не трогал, как сейчас. В их наборе были варианты возможных сочинений на популярные темы.

Хоть я и продумывал возможные темы, но делал это продумывая текст и при этом у меня не работала зрительная память, как это бывает тогда, когда ты читаешь текст, то помимо просто умственного запоминания, работала так называемая зрительная и слуховая память. Потому, уже сейчас, как преподаватель, объясняю студентам, как лучше всего можно усвоить изучаемый материал. Но сейчас вся их надежда на смартфоны и другие «гад же ты», с которыми они думают прожить всю жизнь, и они за них скоро и думать будут. Конечно, вы догадались, что я умышленно разорвал слово, взятое в «кавычки».

Если бы я мог написать сочинение о настоящем Герое Советского Союза и еще не поэтому, а потому, что он совершил не менее значимый поступок и уже не на фронте, а в мирное время. Ох, как мне это хотелось сделать. Я столько передумал за трое суток пребывания в лазарете, что мыслей было сверх, чем достаточно. Но было совершенное отсутствие документальных подтверждений, тема была засекречена на десятилетия и, если я всё же осмелился это сделать, то об этом сильно пожалел и не только я, это я знал точно.

Наутро, узнав, как моё самочувствие, померяв температуру и выполнив лечебные процедуры, мне дали добро на сдачу экзамена. Даже для меня было удивлением проявление такой человечности, как я понимал со стороны того, кто взял на себя эту должностную ответственность.

Первый раз я шел на экзамен не таким уверенным, а скорее всего, можно сказать, что разбитым. Кроме физической слабости, что является закономерным, при таких болезнях, мне казалось, что танки, которыми командовал генерал Шапошников всё же «прокатились» почвозацепами траков гусениц не по моей молодой плоти, а по моей чуткой и ранимой душе. А именно душа и уставший от многочасовых раздумий разум были ответственны за результат этого творческого испытания, под названием сочинение.

Я выбрал тему «Герои – наши земляки», в которой описал подвиг односельчанина, Павла Парамонова, генерала авиации Кутахова, ставшего командующим авиацией в последствии, уроженца из села нашего же района и знаменитого земляка, уроженца соседнего района, ранее бывшего с нашим воедино, дважды Героя Советского Союза, Министра обороны, маршала Советского Союза, Андрея Антоновича Гречко, находившегося в то время на этой должности.

Плеяду Героев-земляков можно было продолжать. И хотя я о них знал много, но той искорки при написании не было и, главное, у меня были в сочинении, которое, среди прочего я был вынужден сдать досрочно, было большое количество ошибок. Это и определило то, что оценка за литературную составляющую всё же была высокой, а по русскому языку, естественно «три». И оценка в сумму баллов добавилось эти три балла.

Несмотря на эту, если можно сказать «ложку дёгтя», сумма баллов была высокая.

Глава V. «Аморальный» поступок

Сдав экзамены, мое пребывание в лазарете продолжилось. Было тоскливо и грустно от того, что я находился тут, как вино «на отстое». Ко мне не приходили, как раньше с процедурами, было ощущение, что меня забыли. Меня осенил дерзкий план побега. Просто за 4 недели произошло так много всего, что поколебало даже моё желание стать военным, которое изначально было мне навязано братом.

Если не брать во внимание события, произошедшие в Новочеркасске 10 лет назад, постоянное нахождение за колючей проволокой мне больше стало напоминать не Казачьи лагеря, а концлагеря. А дни пребывания в лазарете сильно расшатали мою психику.

Я почувствовал резкий прилив желания просто бежать отсюда, бежать не оглядываясь, пока не замаячат где-то впереди родимые места, по которым я, никогда практически не уезжавший из родных мест, сильно начал скучать. И после этого я стал продумывать план побега. Самое главное и сложное было пробраться за колючку.

До этого хорошо изучив расположение объектов, я не видел наилучшего варианта, чем пробраться под колючкой в районе кустарника, за которым нужно было быстро скрыться на остановочном пункте или где-то рядом и дожидаться транспорта, электрички. Сложность еще была в том, что на территории лагерей нам разрешалось ходить только в спортивной форме. Ехать в этом домой меня не устраивало.

Мой план был в том, что изначально нужно было из палатки «выкрасть» свою одежду, как это не было бы смешно или лучше сказать, взять незаметно. Но мне это удалось, воспользовавшись, пока все в столовой. Нужно было действовать быстро, пока меня не кинулись искать в лазарете и не попался на глаза на территории.

Перетащив поочередно под майкой брюки и летнюю безрукавку, переделся в кустарнике. Улучшив момент, чтобы меня не засекали и из палаточного городка, где началось движение и со стороны КПП, выломал подходящую палку, бросился к проволоке, прилёг, подsunул палку под проволоку, натянул её и, как змея, просочился под неё на ту сторону.

Быстро перебежал через просматриваемое пространство, поднялся по насыпи к остановочной площадке. Посмотрел расписание и с огорчением понял, что столько времени я здесь незамеченным не продержусь, «заметут» меня тут. Электричка отпадала. Перебрался через лесополосу на автодорогу, где был также остановочный пункт автобусов, просто столбик на обочине с названием остановки «Казачьи лагеря».

Здесь мне повезло больше, минут через десять шел автобус, который я остановил и пробрался подальше в зад салона, где у автобусов ЛАЗ очень теплые места, из-за расположенного под ними двигателя. Но это было меньшее из зол.

Как это будет звучать не смешно, но, чтобы доехать домой, мне потребовалось четыре пересадки, в Новочеркасске, Ростове, Таганроге и в районном центре Матвеевом Кургане, затратив на дорогу весь день и к вечеру, уставший и как пес голодный, упал на диван дома перед изумленным братом, который в доме был один.

Родители мои были на море, что оттянуло для меня процедуру объяснения с ними. Но от такой участи я не ушёл по требованию брата. Домашним харчем утолив голод, хоть и нехотя, рассказал брату о своих злоключениях.

– Дурак! Что ты натворил? Завтра же езжай и просись, чтобы тебя приняли.

– Послезавтра у нас там должна состояться мандатная комиссия. Вот отойду от всего и поеду.

Но обещать, что буду проситься и почему брат знал, что меня должны были выгонять. Возможно потому, что прошёл уже срочную службу и в этих вещах разбирался лучше. На том и порешили.

Я спал, как младенец в отчем доме, вернее сказать, в деревенской хате, но обложенной кирпичом и потому похожей на домик. Не заметил, как окончательно ушли проблемы с желудком. Возможно, домашняя пища тому виной.

Утром брат ушел на работу в гараж, где он работал водителем и строго наказал:

– Смотри, чтоб никуда ногой. Сиди дома, чтобы снова куда-то не пропал.

Ни о чем не хотелось думать. Я за целый месяц впервые хорошо выспался не на раскладушке в палатке и не, в пропитанной, пожалуй, наполовину толщины стен запахами медикаментов, лазарете. Мне не хотелось никуда идти и что-то делать. Я хотел всё забыть и ни о чём не думать.

Когда брат пришел с работы и обнаружил меня дома, не стал больше читать нотации по поводу того, что я сделал. А я в то время даже не мог понять, а что преступного я сделал.

Дорога уже по привычному обратному маршруту в Казачьи лагеря заняла у меня уже не весь день, а около пяти часов. Около 10 часов утра я появился в расположении палаточного городка и первым, кто меня «приветствовал», был командир взвода. Я не буду пересказывать все те «эпитеты» которыми он меня наградил, но, если слить из его «бочки лести» ту «лесть», которая говорится с поглаживанием головы, как говорят «против шерсти», то останется неполный стакан, который можно было выпить одним глотком, чтобы утолить жажду, которую спровоцировало желание, чтобы всё это побыстрее закончилось.

Подошла очередь нашей роты идти строем на комиссию к зданию администрации. Я осмотрел контингент роты, он больше напоминал отделение, пробывавшееся через «линию фронта» и при этом потерявшее еще несколько бойцов, с которыми я был знаком и если бы можно было помочь им, чтобы они смогли поступить, а не сидеть сейчас дома и думать, чем заняться до армии, то я бы раздал все свои, заработанные и честно заработанные на испытаниях, баллы. Они-то мне уже не понадобятся, как я понял.

А что происходило здесь эти двое суток, пока меня не было. Здесь бала объявлена чрезвычайная ситуация, из-за бесследного исчезновения абитуриента, то есть меня. Искали везде. Прощупали все закутки внутри территории – никого. Затем, построившись цепью, все те, кто скоро окажется в рядах принятых и те, кому придется ещё распрощаться со своей мечтой, после объявления комиссией результатов сдачи, с учётом среднего балла по аттестату, хотя все этот простой математический расчёт сделали и этой цепью курсировали «челночным» способом совершали обход прилегающих уже к обнесенной проволокой территории. И это в течение нескольких часов до обеда и после него, в июльскую жару. Как они меня в те часы «благодарили», бубня себе под нос, можно догадаться.

Нашлась моя, припрятанная в кустах терновника одежда. Видимо появились догадки у командования и поиски до особого распоряжения были прекращены.

Все мысли сдавших все экзамены были теперь уже о том, какой общий балл будет «проходным». Свою сумму баллов они, конечно же давно подсчитали, сложив четыре числа.

Пошли слухи, а они не были лишены здравого смысла, что проходным показателем суммы баллов в этом году будет 20,5 балла. К примеру, если по аттестату средней стала оценка «4» и на экзаменах получил все четверки – этого было недостаточно, не хватало пол балла. У меня эта сумма, без малого равнялась «22» баллам. Но, что они теперь, «выеденного яйца не стоят».

Кто-то был, как «сом» спокоен, кто-то заметно нервничал и «вылетев» из помещения, где заседали члены мандатной комиссии, сбивая всех, кто оказывался на пути, на вопрос «что?» или «ну, как?», лишь отмахивались рукой и это было красноречивей любых слов. Другое дело, когда выходили счастливицы. Они не спешили уходить, они жаждали славы и оваций. От таких колебаний настроений было не по себе и хотелось лишь одного – быстрее услышать «приговор».

И вот называется моя фамилия. Нужно было, зайдя, подойти к сдвинутым в один ряд столам на расстоянии метра три, не ближе и доложить, как нас учили представляться. Скорее всего голос дрогнул во время доклада. Но не это заставило всех офицеров одновременно поднять головы и повернуть их в мою сторону. Этому способствовало то, что всё училище гудело новостью об бесследном исчезновении абитуриента. Даже были попытки «процедить» недалеко от лагерей протекающую речушку. Хотя там воды, воробью по ..., не глубоко, в общем.

Минута молчания для меня была, что вечность. Затем, сидевший справа от генерала, начальника училища, подполковник зачитал результаты экзаменом, огласил общий балл и зачитал блестящую характеристику со школы. В те годы, даже для суда не давали омерзительные характеристики, вернее, в характеристиках, даже омерзительным личностям не давали заслуживающие характеристики, жалели всех, чтобы суд меньший срок назначил, например. Но моя, совершенно не вязалась с тем, что было рассказано дальше – это была «сводка Совинформбюро» о моем «мужественном», даже «героическом» поступке – побеге из стен «гестаповского застенка». Так я себе представлял эту информацию, пока с ней знакомили всех членов комиссии.

Опять наступило тишина, слышно было, как в виски бил пульс, а лицо изменило оттенок кумачевого знамени, установленного между проемами окон, за спинами моих судей

Генерал, пробуравил сначала меня пристальным взглядом, как будто хотел понять, гнилое ли у меня нутро или ещё можно «подлечить» и обратился ко мне строгим, но спокойным голосом:

– Скажите, что вас сподвигло на такой поступок, за который в военной время..., – но, сделав паузу, продолжил, – этот проступок не может остаться без наказания. Так почему вы покинули территорию, если было строжайшее предупреждение – не покидать расположения лагерей до особого на то распоряжения?

Я приподнял, до этого притупленный опущенный куда-то на середину ножек стола взгляд до уровня испытывающих глаз генерала и ответил:

– Я в последние дни много думал, у меня было время подумать и принял решение, что раз я не смог беспрекословно выполнить требования командиров здесь и сейчас, то не могу быть в себе уверенным в дальнейшем...

Я говорил слегка дрожащим голосом, пытаюсь вспомнить воинские формулировки, а то, что я стал сомневаться в правильности выбора, пока не решился сказать. Не знаю, подействовали мои слова на членов комиссии, как жалоба и просьба о пощаде или кто-то видел в них даже некую дерзость, но они переглянулись, что-то в полголоса посоветовались или кто-то внес предложение, но после этого генерал вновь обратился ко мне.

– Вы понимаете, что с теми результатами, которыми могут похвастать лишь единицы из тех, кто сегодня имеет возможность услышать оглашение вердикта мандатной комиссии, а другие только мечтают. Ум в голове присутствует, но нет той силы духа, которая могла и разум направлять на благие дела. Сможете вы его укрепить до того уровня, чтобы служить, исполняя присягу, по воинским уставам, чётко, преданно, самоотверженно и мужественно, стать достойным защитником Родины, воином и офицером?

Как я понял, генерал пытался переубедить меня в честных признаниях, дав шанс, изменить что-то в своих первоначальных, возможно, поспешных доводах и, через паузу, не дожидаясь ответа продолжил:

– Вы не сможете учиться в одном строю и сидеть за одним столом с теми, кто никогда не забудет этот поступок, пятно от которого придётся смывать долго и старательно. Я хочу предложить вам начать ваше стремление к своей цели стать военным, но не в нашем училище, а в Ульяновском с таким же профилем. Вас там примут по нашему ходатайству. Как вам это предложение, устраивает?

Такого расклада вещей я вообще не ожидал, но в моем сознании уже сформировался устойчивое мнение, с присущим мне упорством, даже упрямством характера – я больше не хочу быть военным, пусть и не столь явно выраженных видов рода войск, применяемых в военное время летальное оружие, а скорее наоборот, во многом предотвращающее нападение врагов, защите мирного неба и обеспечение коммуникаций связи, в том числе и правительственной. Я много передумал и сейчас даже слова генерала для меня не были столь убедительны, хотя они отличались, справедливости ради хочу сказать, заботой обо мне больше, чем о чести и чистоте рядов курсантов в училище. Уверен, что он столько уже повидал таких пацанов из деревни, для которых даже то, что они проехали сотни километров, видели, как минимум два больших города, Ростов-на-Дону и Новочеркасск – это уже большое событие.

Действительно, мне за этот месяц, узнав многое из-того, что не было доступно из средств массовой информации, отражающих нашу действительность пафосно и многое замалчивая, я узнал даже то, что другие люди узнали только ещё через 15—20 лет, с приходом «эпохи гласности» в нашу повседневную жизнь, а не в жизнь с разговором в полголоса на кухне, с зашторенными окнами.

Не дождавшись ответа, председатель комиссии повторил вопрос:

– Уважаемый, время, – машинально показав пальцем на наручные часы, – за дверью с нетерпением ждут твои товарищи, с большой благодарностью и желанием занявшие бы твоё место, если... – и не досказав, умолк, посчитав досказанность излишней.

Я тоже это прекрасно понял, не мог не понять:

– Нет, спасибо за предложение! Я не хочу ехать в Ульяновск и военным тоже не буду. Видимо, мне предписано, – машинально вскинув голову вверх и с удивлением понял, что я постепенно начинаю из атеиста превращаться, хоть пока ещё не в верующего, но с убеждениями, явно противоположными тех, которые нам все эти годы внушали в школе и обществе, продолжил, – найти себя на гражданке. Я люблю технику, люблю земля и свою глубинку, с её бескрайними просторами.

Возможно, я передал свою речь не дословно, кто может это сделать, по истечению почти 50 лет, но, по сути, правильно, а по убеждениям, которые мало изменились с тех пор, точно абсолютно.

Члены комиссии переглянулись, они явно ожидали другой ответ, да и, наверняка, другой на моём месте крепко бы ухватился за такую возможность. А я был в глубокой душевной страсти и, если бы меня сейчас приговорили и повели на расстрел, я бы безвольно, пошел без сопротивления и протеста. Видимо и до меня дошло, что я поступил так, как не следовало бы. Но, что сделано, то сделано, назад дороги нет, я её только-что отрубил своим ответом. Значит, такая моя судьба. Как не сопротивляйся и не юли, от неё не уйти.

– Постановление. Решением мандатной комиссии, кандидат в курсанты Новочеркасского высшего военного краснознаменного командного училища связи, Иванченко Александр Иванович, отчислен из списка поступивших, за поведение, порочащее честь будущего защитника Родины. Число. Подписи членов мандатной аттестационной комиссии, – зачитал тот же, представших с места подполковник и после прочтения, уже уставший за пару часов работы комиссии, плюхнулся на стул.

– Можете идти. Мы вас больше не задерживаем, – сказал кто-то, но я уже не видел кто и не было желания видеть. Кто-то из младших офицеров направился к двери приглашать следующего кандидата в курсанты.

На меня посыпался град вопросов, как только я вышел к толпе тех, с кем недавно были в равных правах и имели одну и ту же цель – стать военным.

Говорить не хотелось, но не ответить было бы неуважением к тем, кто от души переживал за меня и принимали утомительные попытки найти меня живого и здорового на прилегающих к лагерям территориях, просто тем, кому было любопытно узнать, накажут меня или нет.

– Исключили. Не моё это. Не буду я военным, – ответил я кратко.

И от меня все отстали, потому что понимали причины моей неразговорчивости, чего, конечно, раньше не наблюдалось. Но, то, что было раньше, кануло в лету или в ту, небольшую речушку, под названием Грушевка, что петляла сразу за ограждением из колючей проволоки, которая, как мне стало казаться в последние дни обвилось грудь и голову, как терновый венец на голове нашего спасителя и вонзается в мой рассудок и в мою душу, делая мне больно и заставляя меня принять то решение, которое я принял.

До свидания Казачьи лагеря, прощай мечта стать военным!

Забирая документы, мне было отказано в выдаче, положенной уже в то время к выдаче по требованию поступающего, справки о результатах вступительных экзаменов. «Против военных не попрёшь», – подумал я и поехал домой ожидать приезда с отдыха на море родителей.

Но мне этого не дал сделать брат, опять наседающий с тем, чтобы пока не поздно, ехать и пробовать поступать в другой ВУЗ, куда угодно, чтобы год не пропал или, потом, армия.

Приехав в Ростов и остановившись у родных, в доме тети Лиды, я, долго не раздумывая, быстро сфотографировался и сдал документы не в ВУЗ, а в техникум связи, из-за того, что всё-таки эта профессия была постоянно у меня в мыслях и на слуху и я от нее не мог освободиться. Успел в аккурат ко второму потоку поступающим.

На первый экзамен шёл, как подневольный, только с одним словом в голове «надо». Меня отец с детства приучил к такому понятию, что «нет слова «нет», есть слово «надо». Видимо сказались все неординарные события последних дней и та «каша» в голове, которая не давала сосредоточиться, но письменный экзамен по математике я сдал на «хорошо», без особого старания и напряги.

А тем временем приехали родители и мать, не разбирая сумок, сразу приехала в Ростов.

– Что ты делаешь? Какой техникум? Ты способен на большее, – пыталась переубедить меня мама, услышав всю историю о моих пережитых злоключениях, сначала от старшего сына дома и затем уже от меня. Еще, будучи на море, они успели там получить от меня пару писем, с результатами первых двух экзаменов и были уверены в том, что я поступлю. Спокойно отдыхали, пользуясь первой возможностью оторваться от деревенских хлопот и работы без выходных и отпусков, за долгие годы труда в сельском хозяйстве.

– Только институт! – подытожила разговор мама.

Вступительные экзамены в институтах закончились. И нам не оставалось ничего больше, как ехать в Новочеркасск. Только сейчас я смог хоть немного рассмотреть город, а до этого знал только автовокзал и железнодорожный вокзал, где мне приходилось делать пересадки. На этот раз ехать в Казачьи лагеря нам не пришлось.

Остановились мы у троюродного брата мамы, работающего прорабом где-то в строительной организации. У него был автомобиль «Москвич-400» или «401», я точно не помню. Главное, что я знал, что отец еще до моего рождения имел в далеком с 1951 или 1952 года такое чудо послевоенного автопрома. Он купил его в Ростове у военного, какого-то полковника. И действительно, я заметил, что в городе было столько таких автомобилей, что я больше в жизни никогда не видел столько одновременно в одном месте.

Он любезно согласился нас познакомить с городом, показать основные его достопримечательности, которые располагались как раз в шаговой доступности от училища. Училище располагалось на площади, рядом с центральным универмагом (ЦУМ), а в квартале отсюда площадь Ермака с памятнику знаменитому казаку и с не менее знаменитым казачьим собором, Новочеркасским Вознесенским кафедральным собором, вторым в то время по величине в стране, после Исаакиевского собора в Ленинграде тогда и сейчас, после строительства храма Христа Спасителя в Москве, был сдвинут на третью позицию.

На КПП у ворот училища нас внутрь не пустили, и дежурный офицер тоже отмахнулся дежурной фразой «распоряжения на поступало». Информации о просьбе встречи с начальником училища или заместителями не давали, игнорируя наши просьбы.

– Будем ждать генерала утром здесь, – сказала мама, уверенная в своих стремлениях, во что бы то не стало поговорить с генералом.

Не зря говорят, «смелость города берёт», утром, когда мы заблаговременно, часов с семи уже дежурили возле проходной, ближе к восьми часам, заметили уверенно приближавшуюся к воротам чёрную «Волгу». Выбежал из помещения КПП вахтенный, для того, чтобы быстро открыть ворота и автомобиль генерала без остановки смог въехать во двор училища, но стремительно бросившаяся под колеса «Волги» женщина, сбивая его намерения от ранее отработанного движения, он изменил направление и бросился теперь уже вдогонку за женщиной, моей мамой, чтобы успеть её остановить.

Машина затормозила, остановилась. Из нее вышел знакомый мне генерал и дал отмашку курсанту со словами «Всё нормально!» Тот остановился там, где стоял.

– Что Вы хотели, гражданка? – спросил генерал строго и одновременно душевно, как и подобает, так думаю, генералу, не допускавшего панибратства и грубости в обращении с гражданским населением.

Мама поспешно объяснила суть нашего обращения, кивнув в мою сторону. Я стоял чуть в сторонке неподвижно, в ожидании очередного вердикта. Генерал, узнав во мне, кандидата в курсанты, недавно стоявшего «на ковре» перед ним и всеми членами комиссии и всячески противился здравому смыслу, прозвучавших из его уст слов делового предложения.

Мне он ничего не сказал – достаточно было сказано неделей раньше, позвонив дежурного по КПП офицера и приказав выписать нам пропуск то ли в отдел кадров, то ли в учебный отдел (за давностью событий подзабыл совсем). Курсант, опомнившись, побежал открывать ворота. Чёрная «Волга», тронувшись, въехала в арку ворот и повернув во дворе, скрылась из зоны видимости.

Получив пропуск на одного человека, и проследовав, согласно объяснениям дежурного по КПП на второй этаж административного корпуса, я обратился к штабному офицеру. Который попросил подождать, потом долго пытался мне объяснить, то, что и сам не мог понять, но звучало это примерно так, что обычную справку с результатами он дать не мог (видимо из-за того, что где-то возникнет вопрос – «с такими результатами и не прошёл по конкурсу?»), потому необходима формулировка, оправдывающая в первую очередь их самих.

Где-то, что-то, у кого-то спрашивал и звонил по телефону и... И выдал мне академическую справку установленного образца с припиской внизу причины отчисления, на которую я сразу и внимания особого не обратил.

Я поблагодарил этого капитана-штабиста, а когда вышел в просторный двор училища, глубоко и с неким облегчением вдохнул свежего, но уже прогретого августовскими лучами утреннего солнца, воздуха и развернул справку, то опешил, надпись, просто, кричала – «за аморальное поведение»...

Мне лучше нужно была где-то найти спиртного, хотя я тогда не знал, как его пьют, потому мне его много не понадобилось, выпив и после этого хорошо кому-то «начистить» лицо, чтоб не сказать рыло. Второй вариант, можно было избежать этой позорной формулировки, просто не сдав экзамены или сдав на «троечки», тогда бы тот же капитан не ломал голову, как меня «опустить», а себе при том не замарать.

Не хочется даже рассказывать, как в приемных комиссиях тех вузов, куда мы обращались с этой справкой брезгливо смотрели на справку и на меня. Если бы я кого-то «замочил» при разборках в пьяной драке, то со мной, думаю, почтительней бы общались и, хотя бы, из-за боязни, прежде чем отказать подумали не раз «как бы чего после этого не вышло». Ну, что тут поделаешь, никудышный я был «аморал».

В единственный институт я ехал с желанием и не терял надежды поступить, это был тот, к профессии инженера-механика сельского хозяйства, которую я мог иметь, в случае его окончания был моей с детства тягой. И, если бы меня брат не «обработал» умело своей агитацией, могло быть несколько проще и не пришлось проходить, не через «круги ада», конечно, но много крови попортить, в первую очередь родным и понервничать, как минимум самому, пройдя через слом убеждений, которые до Казачий лагерей были непоколебимы.

Меня приняли с одним условием, как и ещё нескольких студентов и назывались мы «кандидаты в студенты». Скажу я вам, чувства неполноценности зашкаливали. Таким образом деканат старался подстраховать себя, в случае большого отсева в первую сессию, мы могли, как «запасные игроки» выйти на «ринг» борьбы за знания, а кто просто ради получения диплома, как штатные студенты. Как мы потом поняли, это было незаконная махинация деканата факультета или ректората всего института, эта разница не столь важна.

Началась другая, интересная глава моей студенческой жизни. И эту главу своей жизни, как и моего повествования о ней, я без раздумий назвал «Дядя Саша». А почему именно так, вы сможете узнать, окунувшись вместе с моими воспоминаниями в пучину студенческой жизни.

Если подвести промежуточные итоги месячного периода пребывания в палаточном лагере и всех событий, что со мной произошли серьезные изменения в самом стержне сознания. Что-то придало мне синусоидальные колебания, наподобие колебаний звука неправильного камертона, с убывающей и возрастающей тональностью. И, анализируя многие годы, прожитые после, жизненной стабильности, даже в спокойные «застойные годы». Взлёты и падения, погружения и всплытия. Может быть потому, при очередном «погружении» я оказался на службе в ВМФ, где мне пришлось отдать всё-таки Родине долг и это было лично моё решение. И служил, как вы уже догадались моряком-подводником.

Но это уже другая история, которую, может быть я расскажу, но, хоть и во время трёх лет службы я совершил несколько погружений, не в плане в подводное положение на подводной лодке, а именно по принципу синусоиды, плавно переходя из «положительной четверти» через «ноль» или «ватерлинию», погружаясь в отрицательную, на предельную глубину, из которой была всё-таки реальная возможность всплыть, иногда даже «критически опасная, но мне удалось всплывать снова и снова.

Это моя жизнь, моя судьба. Что было в жизни больше, плохого или хорошего? Бесспорно, хорошего. Даже если хорошего были всего «крохи», они так сластили жизнь, что её горечи были нипочём.

Я люблю жизнь. Благодарен Господу за то, что он мне даровал это счастье жить. Любите жизнь и будьте счастливы, друзья!

Глава VI. «Кандидат»

Начало 80-х годов, ушедшего в лету, но оставшегося навсегда в памяти нас, людей той эпохи, как говорится, «когда «кирпичик» серого хлеба стоил 16 копеек, колбаса «Докторская» в натуральной оболочке по 2 рубля 80 копеек, вода газированная из автомата с сиропом 3 копейки, а пачка «пролетарских» сигарет «Прима» – 14 копеек, я имел счастье быть в рядах студентов и «терпеть тяготы и лишения» и одновременно наслаждаться всеми прелестями этой, незабываемой, для всех студентов, уверен, поры.

Учился я в молодом, во всех отношениях, студенческом городке, одном из научных центров сельскохозяйственного производства. Город и одновременно являющийся сельским районным центром, с населением около 20 тысяч человек. Градообразующими предприятиями и организациями были, в первую очередь, АЧИМСХ – Азово-Черноморский институт механизации сельского хозяйства, который был основан в 1930 г. на базе Учебно-опытного зерносовхоза №2 (в апреле этого года было принято более полутысячи студентов, большей частью из г. Москвы и Ленинграда. Не могу понять до сих пор – городские жители и сельскохозяйственный профиль. Но партия сказала – «Надо!», комсомол ответил – «Есть!»), затем уже построенной НИМИС – научно-испытательной станции, завода гидроагрегатов и научного института «Сорго».

Но не об этом я хотел вам поведать. Кстати, когда у меня спрашивали, «где учишься?» – никто не знал такого города, но все кивали, когда называл «станция Верблюды». Именно так назывался будущий город в степи в 1929 году, когда туда проложили железную дорогу и построили первые бараки.

Большинство домов центральной части города представляли собой глинобитные общежития студентов и гражданские коммуналки. Кто не знает, это сооружение из деревянных брусков, сбитых в каркас по типу солнцезащитной решетки беседки и набитые глиняно-соломенным раствором. В них нужно было пожить, чтобы понять, что московские коммуналки отдыхают, по сути – это бараки.

Крыши напоминаю западный, даже американский стиль. Говорят, что в 30-е и 40-е годы их американцы и строили. Кто знает студенческую жизнь в те годы, тот улыбнется по-доброму и подтвердит мною сказанное. Общага – это своеобразная коммуна, в отдельно взятом здании, с ее правила и законами гласными и негласными. В отличие от проживания в квартире частного сектора, где цены «кусались», в общаге можно было за полтора рубля жить месяц, если... А вот под «если» понимается то, что могли за нарушение правил, просто «попросить». Для этого систематически проводились обходы в составе коменданта и представителей «студсовета», привлекались к этой работе и кураторы учебных групп и представители деканата. А так, как говорится, «От сессии до сессии живут студенты весело. А сессия всего два раза в год».

Многие те, кто был студентом, со мной согласятся, что самыми тяжелыми являются первые годы обучения в ВУЗе, или СУЗе. Особенно тяжело пройти психологический барьер, первую сессию. Получилось так, что я познакомиться смог со своими одноклассниками, не с «трудфака» – «трудовым» факультетом мы называли подготовительное факультет, где в течение полугода те, кто поступал не сразу со школьной скамьи, а через год или несколько лет, из-за воинской службы или вынужденные работать, а потом решивших посягнуть на «вышку».

Немного перескочу и скажу, что я сейчас работаю преподавателем и у нас два года назад защищался дипломник в 56-летнем возрасте, сейчас обучается и срок его защиты совпадет с возрастной планкой, с 55-летним юбилеем. Всё верно, учиться никогда не поздно, тем более что им, бедолагам, до пенсии, как говорили у нас на службе, «как медным котелкам», пахать и пахать. И даже не с абитуриентами, с «горячими» аттестатами, не успевшими запылиться, а так уж получилось, что я сдавал экзамены в военное училище и с результатами сдачи в виде

«академической справки», поступил потом в институт. Сейчас вообще общепринятая практика, можно одновременно пробовать поступить сразу в пять ВУЗов. Тогда же это было новшество.

Познакомился я со своими одногруппниками в августе месяце, когда, по принятым тогда правилам, поступившие проходили, как можно назвать «курс молодого бойца» перед присягой, трудовую закалку на подшефных производствах. Чаще всего, работа была связана с уборкой урожая овощей или плодов. Нам повезло, мы работали на сборе яблок и винограда в садах питомника, как его величали и там же располагался консервный завод, для переработки фруктов и овощей. Хочется сказать, что в то, «застойное», как его оскорбительно или иронично называют, время, в области работали и в больших объёмах производили свою продукцию, кроме Черноградского консервного завода, подобные предприятия: на моей родине, Сад-Базовский завод, заводы в Семикаракорске, Аксае и др. И эта продукция распространялась по всему необъятному Союзу. Проходя службу на Балтике, в г. Рига, мне не раз на глаза попадались банки с соками, произведенными на моей малой родине, в Сад-Базе, как своеобразная весточка из дому.

Так как я вскочил на подножку зачисления на факультет механизации в самый последний момент, то мест в общежитии свободных не было, и мы подыскивали в непосредственной близости по «шпаргалке» на вахте у вахтенной дежурной главного входа в институт, квартиру.

Моя хозяйка, оказалась моей тезкой, звали её Александрой Федоровной, а фамилия, при первом упоминании вызывала у меня легкую дрожь по коже и не только на спине. Не столько даже фамилия – Махно, сколько её вид, который я попробую по истечению почти полувека описать. Высокая, стройная, бесспорно красивая в молодости и привлекательная своей стройностью и отточенностью черт, уже немолодого лица женщины пенсионного возраста и в те годы, имела голос звонкий, как удар молотка-ручника, при помощи которого, кузнечом называется направление удара кувалдой, который наносил его помощник – молотобоец, и в тоже время хлесткий, как звук при ударе кнута или даже не ударе, а когда пастух создавал хлесткий звук, профессиональным движением в воздухе, чтобы направить или подогнать стадо – одним словом, Махно. Честно скажу, я ее слегка побаивался, она была строгая, но, толи из-за моей покладистости, толи из-за внутренней мягкости души её, у нас не было за два месяца, пока я у нее жил, ни одного неприятного, скандального инцидента.

Комната в общежитии барачного типа была однокомнатная, удобства, конечно, общие. В доме проживали, как одинокие, так и семейные люди. Передняя часть комнаты с окном, выходящим во двор и с видом со второго этажа, через просветы между такими же бараками на чуть видимую крышу главного корпуса института. Справедливости ради, хочу сказать, что архитектура того, как в последствии его назовем «старого» учебного и административного корпуса, меня впечатляла. Мне нравилось там всё: просторный вестибюль, справа располагалось небольшое почтовое отделение, рядом огромный актовъ зал, служивший вечером и залом для просмотра кинофильмов, как «кинотеатр АЧИМСХа». По сути, все три кинотеатра располагались в одном квартале, большую часть которого занимала, конечно, территория института и его строений.

Трехэтажное здание со «скворечником» на четвертом, только над центральной частью корпуса, где располагалась кафедра начертательной геометрии и машиностроительного черчения. Что есть еще и подвальные или полуподвальные помещения, мы узнали чуть позже, там установлено было в учебных классах и лабораториях модели, натуральные образцы двигателей и прочее, что нам предстояло изучать уже на военной кафедре.

Но я отвлекся. Хоть меня привез на квартиру старший брат на колхозном грузовике, с провиантами и вещами на первый случай, хоть мать и договаривалась с хозяйкой, чтобы та, по возможности готовила мне завтраки, меня устраивали вполне буфеты утром и студенческая

столовая в обед и вечером. Да, что тут темнить – стеснялся я просто, было неудобно, не барин какой, чтобы мне готовили и подавали со словами «ваша овсянка, сер!»

Комнату разделяла на две половины, мужскую и женскую, шторка, которой хозяйка зашторивала свое спальное место, в левом от входа углу. Моя кровать располагалась в левом дальнем углу комнаты, напротив окна, посередине наружной стены располагалось окно, в которое я любил наблюдать, скучая, при подготовке к занятиям или в дождливую погоду.

На выходные из близлежащего села к ней приезжала племянница. Также, как и тётя, добротная девица, скажем, без особых, надолго западающих в душу примет. По просьбе хозяйки ходил с ней в кино, благо кинотеатр в сотне метрах от дома. Во благо или нет, но наши прогулки после фильма заканчивались сравнительно быстро. Ухажёр из меня в те годы был никакой. Да и предстоящий разговор хозяйки, если что, меня не радовал.

Намного мучительнее мне было притворяться, что я сплю, когда школьница-старшеклассница, готовилась ко сну. Этот процесс для меня казался бесконечным. Прищуренным глазом я следил за колебания шторки в углу хозяйки, они спали на одной кровати. Может быть, из-за того, что спать на узкой кровати было неудобно, только боком, они шушукались до полуночи и даже далеко за... На следующее утро я свежестью не отличался.

Какое-то время нам пришлось пожить в еще более стесненных условиях уже втроем. Вторым квартирантом стал мой однокурсник, который невероятным образом ухитрился нелегально проживать в разных комнатах своих же и моих, соответственно, одноклассников до тех пор, когда его не «накрыли» и не выставили «персоной нон грата». Звали «эту персону» Вова, его судьба была схожа с моей, он «запрыгивал на подножку учебного локомотива института» тоже, после неудачного поступления в Краснодарское военное летное училище. Возможно, что после этих походов «нелегала» (не раз, при проверках комнат комендантом совместно со студсоветом, ему приходилось выпрыгивать через окно, ему дали стойкую кличку «Поль». Как говорится, в тесноте, да не в обиде.

В общежитие, а по сути, в бараке, я ни с кем не смог сблизиться, познакомившись по общим интересам, хотя, как приучен был еще с детства здороваться со всеми, знакомыми или незнакомыми людьми, с которыми приходилось встречаться. Эта добрая привычка до сих пор сохранилась ещё в российской глубинке.

Только с одной пожилой сухонькой и маленькой, как «божий одуванчик» женщиной, проживающей по одному коридору наискосок у меня, по её инициативе были деловые отношения. Они заключались в том, что я дважды в месяц писал письма её сыну, служившему на самом юге нашего необъятного Союза, в п. Кушка, Туркменской ССР и один раз месяц посылочку с не хитростными домашними, а по сути купленными припасами на рынке, типа сала, чеснока и кое-каких вещей, собранных заботливыми материнскими руками. Я содержимое не видел, но заботливая мама офицера-пограничника, охраняющего южные рубежи нашей, тогда еще большой Родины добродушно об этом рассказывала.

За мою помощь она меня от души благодарила шоколадкой и что было под рукой, конфетами, печеньем или яблоками. Я выполнял ответственную работу, писал на посылке адреса мест отправки и назначения.

В субботу святым делом было посещение городской бани, расположенной в аккурат на этой же ул. Чкалова в сторону «Военведа». Военное ведомство – я так понимаю расшифровку этого сокращения. Это поселок, представляющий собой военный городок военных авиаторов, с ее инфраструктурой, квартирами, конечно, аэродромом и с пропускным режимом. В воскресенье я любил просто «убивать» время прогулками по городу и его окраинам – поселкам, имеющих свои названия: Старый, Новый, Тимирязева, Дубки, Военвед я уже назвал и «Питомник» выпадал из общего контура города, расположением в непосредственной близости к садам и виноградникам.

Городок небольшой, мне нравился тем, что был очень похож на мой родной районный центр Матвеев Курган, именно застройкой частного сектора поселков, привычным, совсем не городским чаще, а сельским образом жизни. Центральная площадь имела точную копию типового строения зданий Дворца культуры и такого же памятника В. И. Ленину, с разницей, что здесь он был установлен боком в ДК, а у нас спиной.

Наступила золотая осень. Произошла адаптация к учебному процессу, как в армии «курс молодого бойца». Кто-то не выдержал резкого изменения нагрузки и просто бросил учёбу, кто-то по другим причинам забрал документы или перевелся на заочное обучение. Но, как бы то не было, в общежитии появились свободные места.

Сначала, юркий Поль смог устроиться в общагу, а следом и я влился в круглосуточную жизнь своей группы. Это была небольшая, но важная победа, как всё равно вступление «единоличника» в колхоз в далёкие 30-е годы.

Учился я в 5 группе, которую, скорее из-за этой «пятёрочки» мы сами называли «гвардейской». Кроме того, свою комнату №21, мы также прозвали «гвардейской», т.е. она уже была «дважды гвардейская». Бесхитростные комнаты, где помещались всего четыре кровати с тумбочками и встроенный шкаф. Моя кровать у окна с батареей отопления. Первый этаж, кухня, туалет и работающий на все три этажа буфет.

Общага пробуждалась по нарастающей, как звук приближающегося самолета дальней авиации, но каждый стук дверью отдавался не только на перепонки слухового аппарата, где быстро утихал в лабиринтах спящего студенческого мозга, с двумя-тремя извилинами, чаще всего. И-то, желание учиться у большинства не укладывалось в объёмы памяти этих извилин. Главная из них, в первую очередь, как «линия жизни» на руке, отвечала за ту функцию, которая в первую очередь продлевала нашу жизнь, за «поиски» пропитания. Конечно, городские студенты, из престижных или лучше сказать обеспеченных семей могли и тогда себе позволить то, что нам и не снилось. Но их было единицы. А основной состав общаги – простые деревенские пацаны, выбор специальности которых не случаен – любовь к земле, к сельскому хозяйству.

Пик шума в общаге приходился на промежуток времени от 07—40 до 08—10, напоминающий одновременно: гул пчелиной пасеки с таким же хаотическим движением, в основном, бегом, как у пчёл; шум оборудования кузнечно-прессового оборудования, от стука выдавших виды дверей и падающих от спешки предметов, включая и тела крепко спящих студентов, которых товарищи, убегая на пары, «поднять-то-подняли, а разбудить забыли» – они грохались, в лучшем случае опять на кровать, вдоль или поперек и продолжали досматривать сладкие сны; смешение двух миров – «мира мёртвых», а вернее – зомби, плавно выползающих по стенам, с растопыренными руками и широко расставленными ногами, передвигая их скольжением по полу коридора и другой, взаимно-противоположных млекопитающих, явно из другого мира – мира «пучеглазых лемуров», но в отличие от них, быстро движущихся, сбивающих всех и все подряд для достижения единой цели – успеть, во чтобы то ни стало на первую пару.

Когда «час пик» в общаге сходил на нет, наступала такая тишина, что можно было через дверь, не открывая её понять, в какой комнате остался студент досыпать, не только по храпу, даже по сопению. Как сладок этот сон, когда твои товарищи, нехотя разворачивают свои затасканные, чаще всего, смятые трубочкой, общие тетради с конспектами – понимает только тот, кто испытал эту негу на выдавшем виды матрасе и обтянутой, чуть ли не до пола сетке, и, чаще всего, с подушкой-«глушителем» на голове.

Если чуть подробнее рассказать то, как протекало время между подъёмом и началом занятиями, то для среднестатистического студента это было так. Подъём 07—45...07-50. Подъём дружным никогда не был, кроме, когда, кто-то, первый, открывший, свободный от замусоленной подушки глаз, заорёт, как дневальный в армии, но не «подъём!», а «проспали!!!». Тогда, все, принявшие мужское решение – идти на первую лекцию, потому что будет проверка из деканата, «переключка», если иначе, начинают друг друга сбивать и хватая на ходу

все, что успеют, выбегают, как поток вырывается из водопроводного трубопровода на свободу улицы, разделяющей общежитие и новый, выстроенный при нашей уже памяти четырёхэтажный корпус института.

Если же пробуждение происходило плановым порядком, то за ним следовали: туалет, одевание, посещение буфета и принятие «первого завтрака», если есть за что (как правило меню составляли две вещи: пирожок с повидлом – 5 коп. или с картошкой – 4 коп., а когда «богатый «Буратин», то и беляш за 13 коп.!, а к ним или чай, что чаще за 2 коп. или «кофе с молоком» – какао за 4 коп., реже, но когда «душа горит» – томатный сок идёт изумительно со щепоткой соли).

«Проплыв» мимо дежурной по общаге через дверной проём, двери в который открывает только первый, самый сознательный студент, а потом она только срабатывает, как счетчик на колесе велосипеда, делая скрипучие отклонения, в результате воздействия могучих и не хилых плеч движущейся живой массы. Сделав глубокий вдох, действующий, как допинг, от которого даже могла закружиться голова, следующий вдох необходимо было сделать уже вместе с дымом, прикуренной на ходу сигареты. Как правило, во время движения от общаги до входа в институт, расстояние-то всего 20—25 метров, звенел противный звонок на занятия и ещё, желательно было докурить до «Ростов-на-Дону» – надписи на сигарете, а «самое вкусное», от надписи до фильтра или момента, когда пальцам горячо, уже, столпившись на входе. Выбросить окурки под решетку, для очистки обуви на входе и... хорошо, если занятия в этом корпусе (кафедра «Деталей машин» и сопромата на первом этаже, ОРЗ и иностранного языка на 3-м, а «Военной подготовки» на четвертом).

Если утром не успел «заправиться» в буфете общаги или института, ловил момент между парами или и так сойдёт. Пообедать можно было, если проскочишь, пока не нет очереди в «тошниловке», во время большого перерыва или, если не успел, то после занятий. Тридцатикопеечный обед, конечно, набивал нутро, но особой калорийностью не отличался. В основном «налегали» на хлеб, который был на столах, суп стоил 7—11 копеек, компот или чай, да кашка с «хлебной» котлетой. Со «стипухи» можно было побаловать себя и обедом в кафе, со сносной едой. Но, после то, что готовят в столовой поперек горла, может стать, лучше не привыкать.

Ужин, как правило организовывали в общаге. Именно, организовать. Вариантов была тьма. Первый, самый престижный. Это, когда все или кто-то один приезжал из дома и привозил чего-нибудь вкусного. Я уже не говорю о чемодане рыбы, которую привозил Саня Котов из Цимлы (у нас в комнате было три Сани и Володя). Хоть он ездил редко, но после его приезда мы ели «рыбу с рыбой». Заходит как-то к нам Миха Карась, наш же «гвардеец», но в отличие от нас, отслуживший уже срочную службу и его лицо и так, зачастую имеющую красный пигментный цвет, побагровел и заорал: «Рыба?! Без пива – преступление!...» Следующие после этого выражения, я лучше опущу. Готовить могли все и готовили хорошо, а там всё казалось вкусным.

Вечером на кухне скворчала на сале картошка, готовились супы и всё, что можно было только придумать. Но приходили времена, когда достали из-под кровати последнюю луковицу и говорили: «Это всё, что есть!» И тут начинал срабатывать инстинкт «самосохранения» или выживания. Посылались «гонцы» по этажам, задача которых состояла в том, чтобы не прийти с пустыми руками. «С миру по нитке – голому рубашка». Как говорится, что «враньё ради благого дела прощительно». Например, заходишь и лучше к тем, кто тебя еще ни разу не «раскусывал», не ловил на лжи и говоришь: «Мужики! Выручайте! Начистили картошку, хотели жарить, глянули, а сала нет, на чём жарить...»; у следующих: «Не найдется пару картошин, бульон уже готов, а картошка закончилась. Где её сейчас, уже поздно, возьмешь...». Вот «таким Макаром» и ужин готов. Заключительный штрих – «пацаны, выручайте! Ужин стынет, а хлеб забыли купить». Насытившись, Саня Котов берет неизменную гитару и идем в курилку, полу-

чать двойное удовольствие: после приема пищи и от песен под гитару. К нему добавляются в трио Миха Голяков и Вова «Поль». День прошел. Слава Богу!

Глава VII. Дядя Саша

Дядей Сашей я стал зваться ещё задолго до того, когда у меня родился старший племянник. И это не зоновское прозвище, не дворовое «погоняло», а прозвище, данное мне в 18-летнем возрасте институтскими товарищами за «особые заслуги». Если смог, хоть немного заинтриговать, то расскажу.

Попробую позволить себе начать свой рассказ с того «истока», т.е. первопричины, которая и привела к «прилипанию» ко мне такого прозвища.

Я, хоть и до безумия хотел спать, но ворочался и не мог уснуть. Плюхнувшись, не раздеваясь на своё лежбище у окна, в которое пробивались лучи яркого июньского солнца, не мог никак перестать думать, отложить свои мысли на потом, чтобы, при желании перелистывать события, произошедшие с ним за сутки и заодно сортировать: эти стоит сохранить на самом видном и доступном месте, чтобы при желании, когда была в этом душевная необходимость, насладиться приятными воспоминаниями; а эти, хоть и столь важны, но могут пригодиться при случае, если нужно будет вспомнить какую-то дату, адрес, как зовут того человека, с кем ещё придётся когда-то встретиться и пр.; а вот те события, которые вызывают негативные эмоции, при их воспоминании, приносят боль и страдания – лучше выбросить в урну забвения, нет, лучше сжечь пламенем страсти и любви.

Самое главное и самое светлое, что произошло за эти сутки – он влюбился, влюбился с первого взгляда, влюбился, скорее всего по-настоящему, по-взрослому, а не так, как в пять лет. Вспомнилась и эта, самая первая детская, не знаю, как лучше назвать – привязанность, интерес к девочке 4—5 лет или симпатия, но не любовь же?!

Я только на миг вспомнил эту кроху, с которой меня связала судьба в те далёкие годы, когда Юрий Гагарин проводил усиленные тренировки по подготовке к полету в отряде космонавтов. Нас, дворовую детвору, хотя определение «дворовая» вряд ли будет подходяще в этом случае, скажу так, уличную шпану или, как у нас практиковалось называть «кланы» – «края», больше интересовали успехи в баталиях между, так называемыми краями, в каждом из которых, конечно был предводитель. Село делилось негласно на пять краев, центральная, самая длинная улица, тянувшаяся через все село километра на два, делилась на три края (центральный тоже был центральным краем, т.е. у нас край и окраина имели не одинаковое значение).

Вот, однажды, ранней весенней порой, занимаясь по обыкновению подготовкой амуниции и, главное, оружия, я заметил, что в соседском дворе, где проживала тетя Таня с мужем и сыном юношеского возраста, как-то стало оживленно. Я прильнул к ограде и увидел, что соседи встречали гостей, как я потом понял, они приехали из г. Красный Луч, что на Украине. Но меня заинтересовала девочка, на вид чуть меньше меня, в красивом пальтишке, шапочке и косичками с бантиками. Можно не поверить, но у меня, пятилетнего шкета заколотилось сердечко, меня влекло встретиться с ней, во чтобы то не стало.

Наши дворы отделял забор только до конца двора и построек, а огороды разделены не были. Я, как пограничник, долго обходил свои «владения», пока, моя новая соседка, не увидела меня и, надо отдать ей должное, осмелилась ко мне подойти.

У нас состоялся короткий, но памятный разговор. Факт знакомства я закрепил тем, что достал из кармана долго хранимые карамельки, которые бабушка от души, нет-нет да и баловала нас, и раскрыв ладошку с сияющим лицом протянул «даме моего сердца». Она приняла конфеты и дружбу с улыбкой. Гости пробыли у соседей не долго, и я с грустью наблюдал, как моя принцесса садилась в салон «Москвича».

Не помню, как долго я страдал, переживая разлуку, но в те минуты, когда особого занятия не было, я вглядывался через ограду на соседнее подворье, в надежде увидеть причину моих потаенных мыслей и чувств, если это таким термином можно назвать.

Прошло больше десятка лет. Я, как и многие, если имеют смелость признаться, влюблялся и в школе в девочек и в учительниц, когда стал чуть постарше, но никогда и никому об этом старался и мимикой не показывать. Да и вообще, я был скромным парнем. Даже в старших классах и на первом курсе института для меня девушки были почти что табу. Как в песне «Первым делом, первым делом самолеты, ...».

Успешно сданная летняя сессия, перевод на второй курс и первая практика, которую я проходил в родном селе, дали мне второй толчок сердцу. А автором толчка стала моя бывшая одноклассница, Нина, которая проучилась в первом и втором классе всего года полтора, уехала с семьей жить за Урал.

Она приехала через девять лет в гости в те места, где когда-то прожили недолгое время. И я почувствовал, что ветерок перемен раздул ту «золу» от симпатий, которые были у меня к однокласснице, когда она вертела впереди своей белокурой головкой с косичками, заплетенными большими бантами, в искорку и стремительно разгоревшейся в костёр.

Это была взрослая (мне только исполнилось 18 лет) любовь. Любовь чистая, платоническая, как говорится. Возможно, я больше напоминал своим старшим землякам телохранителя этой приезжей блондиночки, чем ухажера. В крайнем случае, мне поступали предложения – уступи девку, я бы с ней... Благо, что всё общее, что нас годы связывало до этого, определенные навыки поведения в приличном обществе, тактичность и основы философского мировоззрения брали верх над желанием, просто, дать в морду. Но, как можно, свои же пацаны.

На память об этих отношениях, я, используя трактор Т-4А, на котором я проходил практику в колхозе, пятикорпусным плугом склон напротив улицы, где жила Нина, расписал на полную глубину корпусов целину, надписью буквы «Н». Много лет сельские недоумевали, кто таким образом опробовал пахотный агрегат, испортив часть пастбища и единый окрас ландшафта.

Вернувшись на учёбу, я часами писал Нине длинные письма, по 4—6 тетрадных листов. Это ещё не были поэтические признания, но когда под напором своих товарищей, я сдался и прочитал то, что пишу, то они частично потеряли дар речи. Самое слабое выражение, которое помню, было «Ну, ни фига себе!» Кто-то из них, давая оценку моим открывшимся способностям писать красивые письма, сказал: «Ну, ты, ваще! Дядя Саша, ты учитель классической любви».

Так и повелось. Все знают, что прозвища, если имеют под собой основания, так сказать подоплёку, прилипают без клея. Сначала вся группа, а затем и большинство общаги, стали обращаться ко мне, как Дядя Саша. Остальные определения отпали быстро, как излишние.

Но на многочисленные просьбы моих одноклассников, написать от их имени любовные послания девушкам, я отказывал, объясняя это тем, что для того, чтобы получалось от души, нужны чувства к тому, кому пишешь. Они пытались подсовывать фотографии симпатичных девчонок, с вопросом и надеждой «что? Не нравится?» Я им доказывал, что тонкая девичья душа почувствует подлог, «как пить дать». Конечно, это в какой-то степени подняло мою самооценку, я стал менее скромным, более уверен в себе. Короче, меня испортили. А начало «порчи» состоялось чуть раньше, когда я, не куривший вообще, не употребляющий спиртных напитков, на моё совершеннолетие, отмечая его в привычной компании своих одноклассников из «5-й гвардейской» группы, был «сломлен», под натиском двух десятков здоровых пацанов. И, как это бывает, под слова «была-не была!»...

Так и стал я дядей Сашей, а через год уже и в городе, при встрече стали меня так звать. Но до этого должно было что-то произойти значимое. А, что? Об этом в другой раз.

Помните известную поговорку, когда внезапно прерывается кино на захватывающем моменте, с целью заинтриговать зрителей, чтобы они с нетерпением ждали продолжение сери-

ала, например. В этом случае, самопроизвольно с губ слетает клеше-фраза: «Вот так всегда! На самом интересном месте!»

Так и у меня случилось, провал или фиаско, сказать будет уместнее. Та, из-за которой у меня открылись определенные способности и я, из молчуна-тихони постепенно превратился в говоруна и, как оказалось, интересного собеседника, с неизменным юмором и той, отличающих от прочих находчивостью, быстро и метко подобрать эпитеты, если нужно, то уместные комплименты или шутку, для разрядки обстановки, отвечала мне письмами в разы меньше, как объемы присылаемой «макулатуры».

– Как некрасиво, Дядя Саша, так о себе, выпячивая свои ещё шаткие, не доказанные серьёзными проверками и временем способности, – это я о себе, пристыдить решил, чтобы нос не драл. Возможно, читатель, ещё раньше заметил тенденцию к тому и думает – «завездился совсем, раздухарился». Возможно, есть такое. Но, согласитесь, редко кто откажется чуть прихвастнуть своими определенными успехами, способностями или в чём-то неповторимостью. Может быть я и ошибаюсь. Простите! Но в те годы, не спорю, желание проявить себя в чём-то овладевало мной бесспорно.

Кому не хотелось нравиться девушкам? А быть, если не тем, которого называют заводила, то как минимум, в центре компании? В группе много было индивидуумов: бесспорно, это меломаны-гитаристы, юмористы, ловеласы-любовники, любители спать, вместо посещения лекций и пр. Мне выпала, по велению судьбы другая роль и я старался не терять «профессиональный престиж».

«Так, что ты там, дядя Саша о Той говорил? – это я опять напомнил себе, что не терял нить сюжетной линии, – а ещё Дядей Сашей звался. Тебя ещё самого учить и учить. Ну и что, что преподаешь в колледже четверть века, ты же сейчас не о сегодня говоришь, а о том, что было в далекие, но соглашусь, счастливые и беззаботные, в какой-то степени, годы студенческой».

«Извини, Иваныч!» – так меня студенты величают, – хоть и говорить самому с собой и не ахти какая примета, но замечание по делу. Продолжу по существу вопроса, вынесенного на суд читателей.

«Думаешь, что по достоинству оценят твои бредовые истории? Ерунда на постном масле или как говорит герой полюбившейся нам комедии, высказывания из которой разлетелись на цитаты: «Ох, и гадость, эта ваша заливная рыба».

Не уверен на все 100, но надеюсь, что кто-то, прочитав, как и я предастся упоительным воспоминаниям своей юности и, хоть на время забудет, что у нас на дворе, не какой-то 1974 год, с выходом на экраны, полюбившегося в нашей стране фильме «Генералы песчаных карьеров», а то время, когда весь мир интересуется самый важный вопрос – закончится ли когда-нибудь этот напряг с коронавирусом. А прелесть просмотра фильмов в кинотеатрах на задних, излюбленных для влюблённых пар местах, в обнимку и с поцелуями втихаря, сменилось скучным продавливанием дивана в то время, пока жена хлопчет на кухне, готовя вкусный ужин.

Теперь уже, как педагог с большим стажем работы, хочу подтвердить правильность такого суждения, что: «Теория без практики мертва, практика без теории слепа». Теорию «учения о любви» я совершенствовал, пополняя ее постулатами, поиском и «разработкой» новых, неизведанных путей к девичьему сердцу, методик и рекомендаций. Но эти методики и рекомендации должны быть опробованы на практике, прежде чем их внедрять для применения или даже изначально рекомендовать.

Испытывать, как работают теоретические аспекты моих теоретических выкладок я не мог без убедительной просьбы самих «испытуемых», чаще же я их обкатывал сам. Но и не будь я «учителем», если «урок» проходил без учеников. Их подбор был не случайный, чаще всего – это были единомышленники, с кем было много общего в характере, взглядах, убеждениях и другом. Часто «занятия» проводились в форме «дискуссии», «беседы», «ролевой игры» –

очень интересная в данном случае методика, а заканчивалось, как и полагается «закреплением изученного учебного материала» в разнообразных формах.

Очень важным моментом урока, опытные педагоги меня поддержат, является начальная часть урока, которую называют «налаживание психологического контакта» с учащимися, а в моем случае это были объекты изучения или отработки на них учебных или практических задач (наглядными «пособиями») девушек назвать язык не поворачивается сказать, хотя некоторые из них заслуживали того, чтобы смотреть, смотреть – не насмотреться).

Я развеял миф о том, что познакомиться можно только в выходные на танцах или на вечерних сеансах кино. Чаще всего эти эксперименты я проделывал со своим наиболее близким товарищем, даже скажу больше – другом, Саней, парнишкой из Цимлы, очень коммунибельным, опытным во многих отношениях, высоким стройным блондином, что тоже было важно для контраста со мной – среднего роста, шатеном, в отличие от Сани, у меня волосы были вьющиеся и, главное то, что мы друг друга понимали без слов.

Мы выходили на «отработку» практических навыков в любое время, даже утром и часто по понедельникам, хотя все знают, что утро в понедельник добрым не бывает. Мы развеяли этот миф в пух и прах. Основное, чего мы должны были добиться – познакомиться, завести доверительную беседу, пригласить девушек в кино, на танцы (в кафе мы никого не приглашали, так как «финансы постоянно пели романсы»).

Чтобы пример и очередной успех были зафиксированы, как правило, на определенном почтительном удалении от нас, но с возможностью видеть и слышать все происходящее, за нами следовал «почётный эскорт», как правило 2—3 студента, желающих «подтянуть» свои, пока слабые успехи на этом поприще.

«Если в первом акте на стене висит ружье, то в последнем оно обязательно выстрелит», – так сказал мой земляк из г. Таганрога А. П. Чехов. И в этом, несомненно, вложен большой смысл. И в этом, несомненно, вложен большой смысл. Если воинов обучать военному делу, то эти знания кому-то обязательно пригодятся, как бы не хотелось нам этого – воевать.

Мне нравятся фильмы про наших доблестных гусар и они, для многих стали не только примером доблести и славы, но и галантности по отношению к дамам. Я не скажу, что был своими манерами схож с ними, но к этому стремился. Терпеть ненавижу грубое или властное отношение к девушкам или женщинам, какого бы ты сословия не был и какими бы миллионами твоё состояние не исчислялось. Мой отец, как писали раньше в анкетах, и я не исключение, там, где указывал своё происхождение – из крестьян. Но это не помешало ему, при простоте одяния (как ходили наши советские люди, да ещё и в деревне в послевоенные годы мы знаем), был очень галантным в общении с женщинами и даже, элементарное приветствие поцелуем руки, я перенял не столько из фильмов – от отца.

Отец мой много читал, как говорили «запоями», несколько лет, начиная с военных, когда ещё парнишкой руководил избой-читальней и после службы в Армии, работая заведующим сельским клубом, был примером интеллигента со своим 6-ти летним образованием до войны.

Сегодня мы с Саней Запорожцем, по прозвищу ЗАЗ, чернявым парнишкой из Пятигорска, носившем не совсем подходящие редкие усы, прогуливаясь на местном Бродвее, ул. Ленина, которая была закрыта для транспорта и на протяжении двух километров, от железнодорожного вокзала, называемого когда-то ст. Верблюды и автовокзала перед ним и до большой площади им. Ленина с его памятником, универмагом, дворцом культуры и гостиницей.

«Свеженькие» девчата бросались в глаза сразу. Во-первых, город был небольшой и при, практически ежедневных прогулках, запоминаешь лица. Во-вторых, приезжие вели себя иначе, не так уверенно, иногда даже оглядываясь, словно ожидая преследования. Вот в этом они не ошиблись. Мы быстро, заинтересовавшись их персонами, проявив некоторые традиционные и при нетрадиционных ответах, быстро находясь в новых решениях, методы знакомства, сбавив шаг, прогуливались по тротуару. Почему по тротуару, а не по улице свободной от авто-

мобилей? Да потому, что с обеих сторон тротуаров росли развесистые деревья, создаваемые днем комфорт, защищая от жары, а вечером прикрывая от яркого света уличных фонарей, создавая некий интим.

Все «клеилось» замечательно. Девчата приехали из г. Ростова, где учились в училище, на практику в местный питомник для помощи в сборе овощей и фруктов. Мы уже построили совместные планы на вечер, как произошло то, что когда-то должно было произойти.

Место событий, которым только предстояло свершиться, располагалось между территорией нашего института и школой №5, здание которой, по непонятным соображениям, было отнесено от улицы метров на 30, а пустое пространство образованное при этом, не имело ни цветников с клумбами и прочими, ни других красот, а было засажено высокими тополями. Возможно, чтобы прикрыть здание школы от палящих лучей южного безжалостного солнца.

Навстречу «надвигалась», иначе не назвать, веселая компания. Я с Галинкой, так звали мою новую знакомую, шли метрах в 15—20 впереди от кубанского казака, с подходящим для этого фамилией, Запорожцев. Видимо, явно его предки были переселенцами с Запорожья.

Толпа пацанов шла шумной, плотной толпой, хоть их и было всего 5—6 человек, но на тротуаре они могли уместиться только в две шеренги. Я, из соображений безопасности, но, если честно, то и не только – была причина прижать Галяю плотно к себе, чтобы благополучно разминуться с компанией. Но в их-то планы это не входило.

Просто тараном, что «стенобитным орудием», они, врезавшись в нас так, что нас даже развернуло обоих, так как мы в этот момент представляли монолит прижавшихся друг к другу молодых людей, проявляющих (а почему бы и нет?), к тому же, взаимные симпатии. Нужно было быть совсем не джентльменом и себя не уважать, чтобы не сделать парням замечание.

Видимо, это они и ждали, их это раззадорило, резко повернувшись в нашу сторону, начали напирать.

– Галя, уйди! – почти грубо оттолкнув в сторону улицы с тротуара, крикнул ей и выбирая место, где мне будет удобнее обороняться отошел в названную ранее тополиную рощу. Первый же нападавший, после уклонения от его удара, получил ровно под глаз, отлетел в сторону и визжал, подстрекая остальных. Началось, как говорится «махалово», в результате чего никто больше особо не пострадал, кроме нескольких пропущенных и мною ударов в туловище. Но это ещё благодарю тому, что кубанский казак уже бежал мне на выручку, с криками и принявшись помогать мне дать достойный отпор.

Не ожидав того, что их план «блиц-крига» и лёгкой победы над «учителем» с порицанием, как себя нужно вести, с отношением сил «пять на одного» или шестерых, запомнил уже, после того, как отношение поменяло пропорцию, ретировались со стандартными угрозами «мы ещё встретимся!»

Мы от души посмеялись над толпой, явно «навеселе» парней, которым было не по зубам справиться с двумя студентами. Раньше и не раз было, что студентов встречали, как говорят «в тёмных местах» для того, чтобы проучить и поставить ультиматум, типа «это наша территория и девчата наши, будешь с ней встречаться – ноги переломаем». Да, такое встречалось на посёлках: Тимерязева, Новом или Старом. Но здесь, в центре, где даже по положению места проживания был наш анклав.

Кто-то мог подумать, что этот заголовок, как в конце главы предупреждает о перерыве коротком или длинном. Я помню, когда в 60-е годы показывали сериалы с одной серией в недели. Как было невыносимо долго ждать. Не знаю, насколько я вас заинтриговал, но осмелюсь продолжить еще немного повествований событий, о которых идёт речь.

Наша прогулка с своими прекрасными пассиями продолжимся и стоит отметить, что в нашем лице девушки видели достойных рыцарей. Вскоре мы не вспоминали об этом случае, потому что нам было чем заниматься и говорить на более приятные темы.

Девчонки, не хотели испытывать судьбу, потому к 23 часам мы их проводили в общежитие студентов №3, где их временно разместили. Общежитие студентов-электриков по какой-то привилегии располагалось в самом центре города, а наша общага совсем рядом, на соседней улице, ровно напротив, куда и отправился сразу Саня, отпустив свою девушку у входа.

А мне так не хотелось расставаться со своей Галинкой. Благо, что ее комната располагалась на первом этаже с тыльной стороны здания, окна выходили к волейбольной площадке, за ней кинотеатр «Комсомолец», за ним, на углу улицы аптека, а напротив, через улицу наше общежитие. Галя открыла окно, и мы продолжили общение под светом светильника. Мне было не охота отвлекаться от улыбающегося лица девушки до тех пор, пока оно не изменилось в мимике и улыбка исчезла.

Я повернулся и сразу воткнулся в толпу.

– Это твоя работа?! – зло сказал стоявший напротив и указывающий на своё лицо, с расплывшимся изрядно синяком.

Я ничего не успел сказать, так как кто-то сбоку ударил меня в голову и несколько пар рук потащили меня на площадку. Это хорошо, подумал я, что не стали избивать, зажав в «тиски» у стены и, как только почувствовал слабину, сделал резкое, насколько можно было, вращательное движение и половина рук оторвались от меня, правда и нещадно отлетали при этом пуговицы в моей модной в то время, с красивыми, сочными рисунками рубашке из нейлона. На этот раз, план «мести», несколько часов ранее получивших уже урок сработал, их неожиданная атака и как не крути, а один и, на этот раз трудно сказать, сколько их было вообще. Держался, как мне показалось долго, но в такие моменты, минута часом кажется.

Силы были неравные, в конце концов меня сбили с ног – это было опасно, могли забить ногами. И опять я как-то изловчился или нападающие взяли секундный перерыв. Я стал на середине площадки, широко расставив ноги и растопырив, сжатые кулаки. У меня из груди вырвался крик Тарзана и я крикнул в толпу:

– Давай, налетай! Я вас буду убивать!

Возможно, немного иначе, даже с матом, чего я обычно не делаю, но смысл был однозначным. И я, чуть ли не впервые ошибся, думая, что это их лишь раздраконит и они пойдут опять наносить удары руками и ногами. Нет. Установилось молчание, потом круг медленно начал расступаться и строй нападавших стал не таким стройным, как изначально. Я понял – это победа. Мне бока помяли, губу расквасили, но я снова вышел победителем, я был духом в разы сильнее их.

Не обращая внимание на присутствующих, двинулся из круга. Мне никто не препятствовал, а только лишь расступились. На углу, перед общагой стоял автомат газированной воды. Кто знает устройство, стаканы в нем, они были постоянными, пока кто-то из выпивох не прихватит для распития спиртных напитков за углом и мылись струей проточной воды, нажатием на устройство. Я воспользовался этим, чтобы умыть лицо.

Проходил мимо, возвращающийся в общагу комсорг группы Паша Бочкаренко и увидев меня в таком состоянии, естественно спросил:

– Дядя Саша, что с тобой?

Я вкратце объяснил ситуацию...

Что было потом? Кстати, резонный вопрос и на самом интересном месте, как всегда. Если интересно, расскажу, но приведя себя в порядок.

Глава VIII. Ночь «возмездия»

«Принцип привлечения интереса читателей, заканчивая главу на интригующем моменте, как, Дядя Саша, работает?» – спрашиваю свою молодость.

«Ты это о чём, Иваныч? – спрашивает вопросом на вопрос моя молодость у меня, – я только излагаю факты событий, происходящих со мной или в то время и с теми людьми, с которыми я имел счастье быть знакомым. А ты не ухмыляйся, хоть ты и писатель, я то же не лыком шит, и учти, то, чем ты сейчас можешь похвастать, знания и умения, способности, в том числе – всё это заложено было в большой степени и тогда, когда все твои сверстники ходили в модных брюках-, „колоколах“ и носили кустарно клееные здесь же, в Зернограде туфли на платформе, которые, кроме, как „армянские“ мы не называли – забыл?»

«Дядя Саша, успокойся. Ну, да, ты прав. Было дело. Но ты же тоже тогда понимал, что мама получала зарплату 60 рублей, отец 70—90 рублей, в зависимости от сезона, а твоя стипендия, вне зависимости – сдашь сессию без „троек“ или будут одни „тройки“, всё равно платил колхоз, да ещё и на 6 рублей больше, чем тем, кто не по направлению учился», – ответил Иваныч.

«Чё, умный стал на старости лет, чтобы мою стипендию считать? Попробуй на них месяц прожить, когда, кроме пирожков в буфете, хочется и в кино, на танцы и с девушками, как вы сейчас говорите, „потусить“. Тогда мы не знали, как у вас дискотеки, бары, стриптиз-клубы... Фу, мерзость! Даже никогда там не бывал и то противно стало от названия», – Дядя Саша с презрением сплюнул в сторону.

«Дядя Саша, ты счастливый потому, что не знаешь, что такое гей-парады, хотя бы. Или знаешь?» – решил осадить «взорвавшегося Дядю Сашу Иваныч.

«Старый, откуда?!» – возмутился студент, откуда он слышать мог о геях в 1973 году с СССР.

«Тебе ещё многое предстоит узнать, осмыслить и переоценить. А то, что наш великий Советский Союз «отдал Богу душу, проще сказать, распался, можешь представить?» – спросил у Дяди Саши и пожалел об этом Иваныч.

«Ну, это, Иваныч, совсем не смешно. Ты знаешь, что тебе за эти слова может быть? Или забыл, писака?» – студент начинал не на шутку злиться.

«Я ещё помню и анекдоты о Леониде Ильиче и Василии Ивановиче, но сейчас сама жизнь – анекдот, только не смешной, а очень грустный. А вообще-то, я уже и сам запутался, где ты, Дядя Саша, а где я – Иваныч. Знаешь, что? Давай читателю мозг не будем ломать, а продолжим: ты действовать дальше, а я вспоминать те годы и события и, как твой летописец, без значимых прикрас, как на духу всё расскажу, что помню. А, что забуду, ты напомни мне или с фоток, где ты с друзьями-товарищами и все молоды и живы, пока... , или, открыв интернет и порывшись в нём», – решил заключить мировое соглашение со своей молодостью Иваныч.

«Интернет – это чё? „Интер“ помню, сигареты болгарские по 35 копеек, я их, потом ещё „Опал“ и „Ту-134“, даже „Шипку“ в тяжелые времена курил. А ты и сейчас куришь? Чахотку не заработал от сигарет?» – не мог понять о чём речь Дядя Саша.

«Бросил, Дядя Саша, твою вредную привычку, уже 10 лет, как не курю», честно признался Иваныч.

«А ты почему за Союз не ответил? Смотри, чтобы в органах тебе за это «по шапке» не надавали. Ладно, пиши писака. Я в общагу, переодеться нужно... рубаха порвана, и вся в крови, и брюхи... ё-моё, вот, суки, брюки тоже распороли по шву, «модисты» хреновы... Без меня не начинай. Я быстро, «одна нога тут, другая там.» – вытерев умытое в автомате газированной воды лицо, Дядя Саша перебежал через улицу и скрылся за дверью общежития.

Пока я переодевался в своей комнате, в коридоре по лестничным пролетам и на верхних этажах, звонкие отголоски от любого шума, некогда отзывались сильным эхом из-за пустоты коридоров и пространств между этажами из-за того, что в это время по распорядку в общежитии, студенты должны бы переключаться с первого сна на второй. Сейчас всё было с точностью до наоборот – общага гудела и не как улей, а как механический цех или кузнечнопрессовый производственный участок.

Шум и крик сливался в гул. Когда я выходил на улицу, меня в коридоре обгоняли студенты других групп нашего первого потока факультета механизации, которые со спины, из-за растопыренных ноздрей и бегающих, очумелых глаз, как у разъярённого быка, не замечали, что у них перед носом «виновник» того, что их поднял девиз «наших быют!», но разбудить забыли. Вахтёрша грозила, что обратно никого не пустит. Попробовала бы она это сделать, когда процентов на 80 все жильцы общаги были на улице.

Голова гудела. Это было последствием ударов, возможно ногами, когда меня сбили с ног на волейбольной площадке. Я подумал – благо, что в это время года, когда лето полностью вступило в свои права, от туфель даже многие отказались в пользу более легкой спортивной обуви, вплоть до сланцев. Иначе, мне пришлось бы совсем плохо. Да и, справедливости ради хочу сказать, что зверских избиений, как в наше сегодняшнее время, тогда, практически, не практиковалось. Понимайте, как хотите, но люди в то время, как бы это смешно в данном случае не показалось, были в разы добрее, не такие озлобленные, как теперь.

Уже была ночь, теплая июньская, тихая до того, как, ночь. Улицы были практически пусты. Движение автомобилей, своей интенсивностью никак не шло в сравнение с нынешним, то есть движение замерло. Обычно, в такое время молодежь привычно гуляла по Ленина бесцельно или имея цель, но пока из задуманного мало, что получилось, а у кого получилось, те уже сидели в обнимку, зашхерясь или в парке на скамье, где лампочки давно были умышленно разбиты или во дворах частного сектора города, где были беседки и места для свиданий, а на поселках – это скамьи возле дворов, как правило, в это время изрядно закрытые свисающими ветками деревьев, в основном вишен.

Зная это, комсорг Паша, как опытный вожак (говорю это на полном серьёзе, организатором был от Бога, потому его впоследствии избрали председателем комитета комсомола института и, менее, чем через год стал делегатом XVII Съезда ВЛКСМ. Как знать, может быть полученная в подобных «революционно-освободительных» движениях от беспредела местных кланов и сформировались его организаторские способности.

Быстро были организованы «боевые» группы: одной из них руководил сам «вожак»; вторым руководил я; третьим Саша Запорожцев, так как мог узнать в лицо нападавших ранее беспредельщиков; четвёртым звеном было поручено руководить кому-то из активистов смежной группы. Перед всеми была поставлена задача, как сказал комсомольский вожак – «Отомстить за Дядю Сашу и дать понять, кто в городе «заказывает музыку». На вопрос «Мы же их и в лицо не знаем...», был ответ – «Мочите всех, кто попадётся, другим, чтоб неповадно было». На том и порешили. Хотя «мочите! Или «гасите», звучащее тогда, ни в коем случае не идет в сравнение с сегодняшним, что нужно теперь в прямом смысле понимать – жестокость, вплоть до...

Хорошо рассуждать сейчас молодежи: сотовые у всех на руках, каждый шаг можно отследить и скорректировать действия групп, всё согласовано и подконтрольно можно было бы провести. Но, если бы, да кабы... Вот сейчас я подумал, как тяжело было работать в следственном отделе милиции в то время. И, несмотря на отсутствие всех современных «наворотов» и средств отслеживания, они делали чудеса. Такие показатели раскрываемости, что... Короче, нам было еще далеко до сыскарей.

Группы рассосались по намеченным маршрутам и начали с глухих улочек и совсем не потому, что там предположительно могли скрываться те, кто стал виновником того, что

город, вместо того чтобы отойти ко сну, начал, наоборот просыпаться. Так, вот в этих тихих улочках, где имелись пролёты штaketника-частокола, слышался характерный звук отрываемых планок и треск сучковатых, показавших свою непригодность, в качестве «указателей недостатков» сразу, а не на спине предполагаемых обидчиков.

Я не столь кровожаден, чтобы расписывать сцены кровавых побоищ, как любят делать в своих боевиках голливудские режиссёры. Да и наши, в последние годы стараются не отстать. Даже кровь на съемках используют натуральную, надеюсь, что не человеческую. Когда говорят, что из донорской крови получают плазму, а остальное куда девают?

А в наших стычках «оппоненты», чаще всего отделялись двумя-тремя ударами по ребрам, если оказывал кто-то сопротивление, мог получить и в нос, отделаться «фингалом» под глазом или расквашенной губой и этим походить на современных див с «накачанными» силиконом «варениками». Зачем деньги тратить, обзови парня нехорошим словом – он тебе губы «наквасит», потом ещё поблагодари за оказанную бесплатную «пластическую операцию». А сэкономленные при этом деньги можно потратить на себя, любимую.

Пока ещё город «не стал на уши» была возможность прижучить обидчиков. И этот случай выпал группе, руководимой вожаком Пашей. Они увидели подозрительную группу парней. Вот кто бы мог подумать, что они придумают укрыться в самом, как говорится «логове их врага» – у стен института, усевшись «мирно» на скамьи под развесистыми деревьями в сквере, неподалеку от парадного входа в институт. Это тот случай, когда хочется пожать руку достойному противнику. Но меня же там не было, к сожалению или к счастью, как посмотреть. И надо же было так опростоволоситься «ведущему» звена «карающего несправедливость», спросившего у них:

– А, вы, кто?

Те, почуяв неладное, а, возможно даже, невзначай наткнувшись на митинг у общаги, слыша его громкие призывы (от общаги до места их «лежки» было метров 250—300 всего, а с учётом того, что вечер был тихим, а голоса громки и даже слишком ...), ответили:

– Мы поступать будем в институт. Документы сдаем...

Тут чуйка моих «боевых» товарищей подвела. Когда был «разбор полётов» в общаге, в назначенный час, ближе к рассвету, мне описали этих «абитуриентов», стало ясно – это и были мои обидчики.

Шум и гам в городе только нарастал. Его переняли дворовые собаки частного сектора поселков и казалось, что не спал никто. И неизвестно ещё, кто был злее, собаки или те, кому эти собаки, шум, гам и крики не давали поспать в одну и так самых коротких ночей в году. Было много сломанных штaketников, много разбитых носов, иногда, даже чаще незаслуженных. Большинство тех, над кем зависал «дамоклов меч» их свежо-крашенных планок или уже облупившейся под действием южного беспощадного солнца, сезонных дождей и степных ветров из сальских и калмыцких степей.

Очень быстро все поняли, что учинять допросы и расспросы результата не дают. Да и кто сознается, что дерзкое избиение студента, да еще, практически на территории, прилегающей к студенческому общежитию – это был вызов. И мы его приняли. Скорее всего, это была последняя капля, перевесившая чашу весов терпения. Потому что, то там, то там, чаще всего на поселках происходили случаи, когда студентов, провожающих своих девушек встречали в таких местах, как парк, который пролегал границей между городом и поселками Дубки и Темерязева, так называемое Шаманский сад с кладбищем – одно из неприятных мест, рядом с которыми проходила дорога на Тимерязевку. Но они были, как бы «в назидание», чтобы показать, что там есть «хозяин» и его требования – закон.

В нашем случае, как говорится, ребята «рамсы попутали», начали права качать на исконно нашей студенческой территории. Получилось так, что «боевые действия» перешли все границы и «наказывать» обидчиков пришлось в их же логове. Кто попадал под «горячую

руку»? Да, все, кто попадался, даже загулявшие студенты, если с перепугу не понимал, кто перед ним и не успевал объяснить, что «Я – свой! Не бейте меня, пацаны!»

Справедливости ради хочу сказать, что особая жестокость не проявлялась, основная цель – «воспитательная» выполнялась при этом на все сто. Вот сейчас я порой смотрю по телевизору, как на Украине, Беларуси, а в последнее время всё чаще в США, молодые люди выходят и громят всё и всяк. Боже упаси. То, что мы делали, по сравнению с нынешними программами – это небо и земля.

Не знаю, попадались ли еще кому-то, из наших «боевых отрядов» или групп в ту ночь мои обидчики, но даже, если они «залегли на дно», то их вспомнили на утро другие, те, что пострадал в результате «урока с воспитательной целью», но не принятыми в системе образования методами. Важно одно, чтобы любой человек, при совершении проступка знал, что проступок всегда рано или поздно ведет к наказанию. Кто выполнить карательную функцию – не важно. Не Бог, так сама жизнь накажет тех, кто тебя когда-то обидел. Хорошо, если приговор не будет содержать какую-то статью уголовного кодекса.

В те годы, подобные вещи происходили часто, но имели разную подоплеку и разную реакцию на действия противодействиями. Я помню, когда у нас, молодежь села, парни, конечно, выходили драться в кулачном бою с парнями другого соседнего села, если там кто-то из девушки, практически всегда был повод – «ты, зачем у нас уводишь девушку?» В лучшем случае тогда вечерами приезжал отряд «бойцов» и так же искали обидчиков или просто били тех, кто попадетсЯ. Но для таких ситуаций нужен был повод. Все «войны» начинались из-за девушек.

Резонным будет вопрос: «А куда милиция смотрела?» Могу высказать своё личное мнение, исходя из того, что помню из событий тех далёких лет и из собственных наблюдений позже.

Мне кажется, что из-за того, что даже при массовых столкновениях, когда в драке участвовали даже десятки человек, слава Богу, случаев битья до полусмерти или, упаси Бог, до смертельного исхода – случаев вопиющих, неординарных, практически не было. Даже «буцание, как мячик» упавшего человека, было из ряда вот выходящим. Хотя, отморозки попадались везде, но народ не был озлоблен условиями жизни, политическими решениями правительства и пр. Исключением можно, правда, назвать бунт рабочих из-за, непривычных в то время, повышенный цен на продукты и их физическое подавление, расстрелом. Этого, конечно, в нашей мирной стране, с народной властью и такое, никто не мог и в страшном сне увидеть.

Милиция, до определенного «накала» соблюдала нейтралитет. Не раз мне приходилось наблюдать, например, как милиция «пряталась» за дверки своих «ПМГ» или как они тогда назывались. Обычно их было два, ну в лучшем случае три человека. К примеру, дерущихся было 10—15 человек, а иногда и больше. Что они сделают? Применить оружие? А потом самому сидеть или, опять же, вдруг в неразберихе и сутолоке кто-то завладеет табельным «ПМ». Другое дело, когда едет «воронок», медленно, как крадётся и его экипаж, как правило два человека: водитель и старший патрульной спецмашины. Куда легче им остановиться у изрядно-выпившего человека, мирно-отдыхающего на уютном месте где-нибудь на скамье, в худшем случае на земле, а если в грязи, то и поднимать не стоило – измажет всех и машину тоже.

Вот с таким контингентом и работать приятней, безопаснее и прибыльнее, однако. Нет-нет, да и перепадёт «чирик» в карман. Я не осуждаю милицию. Может быть, у них на разводе «установки» делают и наверняка инструктируют, как в какой обстановке действовать. Честно скажу, что если бы, прошедшей ночью, одну из групп, скажем, «попросили объяснить» повод поздних прогулок, со штакетником в руках, то нашелся бы весельчак, который ответил бы:

«Решили доброе дело сделать, субботник организовали. А ночью, чтобы сюрприз получился. Вот ветеран войны утром проснётся, а у него палисадник новым штaketником огорожен. Комсомольский отряд мы, во...». А в худшем случае, если не нашли ничего для объяснения – «атасс» ещё никто не отменял. Сколько направлений у «Розы ветров» по стольким же «векторам направления движения» устремились бы в рассыпную все, что неизвестно за кем гнаться и оно вот это нужно?

Как быто не было, толи из-за глухой ночи, когда даже под ожесточённый лай собак, дежурные, посапывая спали за пультом у телефона, за рулем «УАЗика», а кто-то и осмелился на ночь грядущую и остаканиться.

Хоть и среди наших «гвардейцев» задержаний в эту «Варфоломеевскую ночь» не было, но на утро по всему городу поползли слухи. Версий было много. Кто-то даже чего-то видел, но побоялся выйти в темноту. Оставалось надеяться, что заборы преподавательских домов в эту ночь пострадали меньше всего и в случае, если правда о событиях этой ночи раскроется, то на предстоящих ещё в будущем сессиях, они отомстят каверзными вопросами на экзаменах.

Уверен, что обидчики, ради которых была сделана эта, откровенно-показательная экзекуция, мало того, что узнали о многих случаях, произошедших в городе и поселках за ночь, смогли сложить картину из «пазлов» рассказов очевидцев или даже пострадавших невинно, кто-то мог сам попасть под «горячую руку» «комсомольского» патруля и на утро даже получить обвинения в том, что сломали своим необдуманным поступком мирную жизнь в городе.

Утомил я всех и сам пристал. Но не эта ночь стала развязкой или поводом для развязывания «полномасштабных боевых...», нет. А после «Варфоломеевской ночи» что-то должно было случиться? Конечно! Но это уже следующий рассказ, хоть продолжение начатого, как хотите. Давайте, просто перекурим, «тачки смажем», чтоб не скрипели. Да и мне нужно с Иванычем пошутиться, чтобы он «пургу не мел».

Глава IX. «Стрелка»

«Слышь, Иваныч?! Я когда бегал со шпакетинкой в руках, в ночном „крестовом походе“ и когда моделировал возможность встречи с милицейским патрулем, о чем немного уже ранее дискутировал с тобой, то вспомнил анекдот тех времён, которые со временем не стареют, а приобретают новую актуальность, но уже в условиях реального времени, где они происходят», – с улыбкой заинтриговал Дядя Саша.

«Ну, рассказывай, раз заикнулся. Может и я знаю, хоть за столько лет скоро имя своё забудешь. Хорошо, хоть отчество часто напоминают, не забуду хотя бы его. Давай, „грузи“, чаво уж там! Во, дела и я вспомнил, потом расскажу тоже. „Грузи!“ – улыбнулся Иваныч, даже не в предвкушении смешного анекдота, который должен рассказать Дядя Саша, а от того, что прокрутил в голове тот сюжет анекдота, который сам вспомнил.

«Закончилась гражданская война. Василий Иванович и Петька ничего, как воевать не умеют. Жизнь тяжёлая, а выживать-то как-то надо. Идут голодные по городу, еле ноги представляют. Сосёт так и в желудке стоит такой оркестровый та-ра-рам, что бывший дивизионный оркестр с популярными в то время «Прощанием славянки» и «Маршем Будённого» отдыхают.

Вертят головой от безысходности. Глядь, пости в каждом окне из форточек «авоськи» висят с продуктами – пролетарский «холодильник». Родилась идея моментально: выломали пару шпакетин с высокого забора, связали тесьмой-«стремёнами», оторванными от галифы и к одному концу, смастерили крючок.

Один из них ловко поддевает крючком авоськи с продуктами и передаёт другому. Зата-рились прилично, еды на взвод хватило бы. И тут, откуда не возьмись, навстречу милиционер из-за угла. Увидел подозрительных людей с большим количеством, явно не дорожных вещей:

– Граждане, объясните, что это вы тут делаете?

Петька заюлил, заменжевался, опытный комдив отвечает:

– Подарки гражданам на Новый год, вот развешиваем.

– Так Новый год же ещё не скоро! – удивился милиционер.

– Я же тебе говорил, Петька, что рано ещё. Снимай на...!»

«Забавно! Ну, тогда и я в тему воспоминаний расскажу. Приехали вологодские ребята в командировку в зерноград на Северо-Кавказскую машиноиспытательную станцию (МИС) по производственным делам. Остановились в гостинице «Юбилейная». Пужинали в ресторане, выходят на свежий воздух.

А тут их поджидает местная братва, чужаков заметили давно и ждали удобного случая, что «познакомиться» воочию. Выходит первый кацап, местные, прям в лоб ему вопрос:

– Ты, кто?

– Пс-с-ко-о-опские мы, ребя...

Удар в челюсть, гость встречает головой в клумбу перед гостиницей.

За ним вразвалочку выходит второй. Ну и его учеть та же.

Третий, пока чухался в тамбуре, всё слышал. Выходит. Ему сразу встречный вопрос:

– А, ты, кто? А???

– Да, чаво уж там, давай, ляпи!!!» – Иваныч улыбнулся и продолжил, —

«У вас во вчерашних похождениях такого не было? Или вы не приезжих, а местных вылавливали, тут подход другой был нужен. Так, я не понял, продолжение этой истории было или может быть развязка какая?»

«Ну, так почему же я с тобой и встретился. Пиши, да, по сути, не теряя нить существа. Знаю я вас, писак. Вот когда-нибудь сам роман, может быть, напишу» – серьёзно сказал студент.

«Веди дневник, Дядя Саша!»

«У меня память пока еще не хромает», – уже улыбаясь ответил студент.

«Э, брат, это пока. Доживёшь до моих лет, узнаешь», – теперь очередь пришла грустить Иванычу.

«Ну, слушай...», – продолжил историю Дядя Саша.

Лучшего времени, чем лето для того, чтобы хорошо провести свободное время студентам, не придумать. Во-первых, учебный семестр заканчивается, а дальше экзамены, практика. Учебная если, на институтском полигоне, производственные вообще лафа: Ростов – «Ростсельмаш», Волгоград – ВТЗ, Харьков – ХТЗ. Свобода!

А, как же, если летом в зернограде находишься? – ты можешь спросить.

Разнообразие, конечно не то, вернее, его отсутствие и нет чувства встречи с новизной. Вино, девки, танцы. Но лучше, конечно, в жару посетить «решетку» – пив-бар в городском парке, в виде открытой террасы. Из-за легких перекрещивающихся рейках на боках и сводах террасы и прозвали его «решетка». Был и «зимний» пивбар – «аквариум», названный так из-за своей конструкции. Сравнительно небольшое по объёму помещение, изготовленное из стальных уголков каркас, застеклённый с трёх сторон стёклами.

Послушав меня, можно подумать, что студенты все пьянчужки, им и учиться некогда. Стипендия студента 40 рублей. Бутылка вина дешевого ёмкостью 0,5 литра стоила 1 руб. 27 коп. Путем простых вычислений можно сказать, что можно каждый день употреблять по одной бутылке, без закуски целый месяц и совершить на оставшиеся 2 руб. 90 коп. покупку одного пирожка с картошкой и доехать с пересадкой в Ростове домой. Не серьёзно.

Что не пили, что ли? Да, пили, конечно. Дни рождения – святое дело, на выходные, вечером для настроения и «смелости» перед танцами. А иначе, у многих язык там, откуда ноги начинают расти.

Часто мы отмечали дни рождения и веселились в заброшенном Шаманском саду. Обязательным атрибутом были гитары и магнитофон переносной. Одним из излюбленных мест в жару был «канал», где можно было освежиться, опустить «мысли в воду», если захватил с собой конспект,

для подготовки к экзамену.

Но самый лучший в те времена был отдых у аттракционов и на аттракционах в городском парке. Особенно захватывающим дух было катание на «лодочках», а если еще и с девушкой, да в легком летнем ситцевом или шёлковом платье или сарафане – «высший пилотаж», кто это знает. Да и просто посидеть на скамье в тени деревьев парка и понаблюдать за происходящим, присмотреть девушку, чтобы пригласить сначала на аттракционы, а потом, как повезёт и на вечерние танцы.

Танцы в парке – это что-то не передаваемое. Это не толкотня в душном ДК в холодное время года. Площадка, огороженная высоким забором, эстрада, живая музыка, площадка и ряд скамей по периметру, для тех, кто притомился. Сколько нужно было энергии, чтобы не пропускать, практически, не один модный, а репертуар был такой, что пляши и пляши. Хиты ВИА «Веселых ребят», «Цветы», «Синяя птица», непременно «Шизгара», а вернее сказать: «Венера» и множество тех, которые называли коротко и ёмко: «медляки» и «быстрые». Как замирало дыхание, когда объявляли «Белый танец» и так хотелось, чтобы тебя пригласила понравившаяся девушка, а не та, которую практически никто не приглашает.

Я, деревенский парень, который ещё год назад стеснялся пригласить девушку на танцы вообще не умел танцевать, просто никак, сейчас выглядел перспективно, с симпатичной мордашкой, красивыми вьющими волосами, свисающими на плечи и с горячим сердцем в груди, которое желало любви, любви большой, красивой и навсегда. Эх, парнишка, скольким девчон-

кам ты разобьёшь сердце и сколько тебе разобьют, но не факт, что собранные осколки станут для тебя и кого-то из твоих влюблённостей основой фундамента счастья. Это понимание придёт намного позже. А сейчас, всё так классно, всё так чувственно, любовь – это прекрасно.

Ты чувствуешь себя невесомым, ты летаешь, чувства для тебя, как поток воздуха, для создания «подъёмной силы» самолёту. Ты не можешь утром уснуть, хотя только на рассвете расстались с девушкой. Ты ещё ощущаешь на себе запах её волос, её духов, её тела, слышишь её томное дыхание во время твоих чувственных поцелуев. И у тебя снова кружится голова и ты не падаешь лишь потому, что лежишь на кровати в общежитии, смотришь в окно, где давно уже рассвело и видишь не утренний рассвет, а облик той, которая сейчас для тебя всё, она для тебя весь мир, большой мир весь вместила эта, ещё школьница, пусть и старших классов. Ты влюблён и ты счастлив, счастлив, как младенец, мирно сопящий на груди у матери, счастлив, как мореплаватель, нашедший на острове клад, зарытый некогда пиратами, но этот клад сотворён хорошими людьми, этот клад ты, моя прекрасная, ещё недавно, незнакомка, а сейчас, мне кажется, что мы знакомы с тобой целую вечность, хотя провели вместе всего одну ночь, целую незабываемую ночь вместе, только ты и я, я и ты, мы, как одно счастливое целое.

...Прошу прощения! Так о чём я обещал тебе, Иваныч, рассказать? Ах, да, о «развязке» сюжета. Конечно, слушай.

Эта суббота могла бы ничем не отличаться от предыдущих, в череде счастливых, с нетерпением ожидаемых дней студенческих развлечений и вечерних «отжиганий» на танцах, если бы не то, что это были первые танцы, после памятной ночи. За будничные дни ничего, что напомнило бы нам о той ночи, кроме собственных воспоминаний во время перекуров, не говорило. Даже моя «облицовка» пришла в норму. Как говорят в таких случаях, «Зажило, как на собаке». Почему, собака, кошка от неё живучей, по всему? Бог с ним, с этими сравнениями.

Подготовка была к вечеру стандартная: мытьё, купание, потом «заготовка», которой занимались «гонцы» по очереди или жребию, принятие заготовленного «на грудь». «Гонцы» – это сильно сказано, гастром располагался наискосок, метра в ста от входа в общежитие. По поводу патл на голове хочу сказать. Понятно, что они требовали особого ухода и смотря у кого какие волосы. Например, единственный не Саня, проживающий в нашей комнате, мыл голову исключительно белком яиц, а полоскал слабым раствором уксуса. Во, как!

Народ на танцы собирался сначала несколько несмело, пока было ещё сравнительно светло, а как стемнело и музыканты, наверняка, подогреваемые явно не теплом от усилительной аппаратуры. Они же тоже люди, а что? Но они входили в кураж. И если, пока народ собирался, могли поставить магнитофон для привлечения или чтобы не так скучно было тем, кто старался отжечь от и до. Но когда струны задрожали, появились одобрительные возгласы, публика оживилась, и бабушка-контролёра еле успевала отрывать «контрольки» от билетов. Молодежь хлынула с доселе насиженных мест на скамьях парка и понеслась, понеслась сразу с прохода на площадку в круг, на «разминку».

По первым же аккордам было понятно, что звучит один из самых полюбившихся хитов группы Стаса Намина «Цветы» «Звёздочка моя ясная» в исполнении Александра Лосева. Более душевную песню искать, искать и не сыскать. Возможно, и сейчас кто-то не знает или уже забыл, что она посвящена стюардессе самолёта АН-24, девятнадцатилетней Надежде Курченко, ставшей жертвой террористов, захвативших самолёт.

Танцуя под эту медленную музыку песни, прижимая к груди свою любимую девушку, думаешь – я тебя никому не отдам и не позволю, чтобы с тобой что-либо случилось, я буду рядом, стану твоим телохранителем, никому не дам тебя в обиду потому, что я сильно тебя люблю. Даже, если в этот момент мысли были несколько другими, я уверен, что они были

чистыми и прекрасными, как сама любовь. В этом я уверен, однозначно. Ну не может такая трогательная мелодия вызывать дурные мысли.

– А, как у вас сейчас с этим, Иваныч? Молчишь. Догадываюсь, что мир стал жестче. Это нам счастливицам повезло жить в то время, когда даже избиение было «предупредительной мерой», а сейчас бьют так, чтобы больше не поднялся – зверьё, не иначе. Хотя, зря я так их со зверьми сравнил, они не звери, звери убивают, чтобы выжить популяции, а человек, иногда, чтобы показать свою крутизну и пытаясь тем, что его по любому за «бабосы отмажут».

Прошу прощения! Отвлёкся.

Обнимая девушку нежно, только кончиками пальцев, если ты еще с ней недостаточно знаком и боишься испортить о себе первое впечатление, и не только. Девушка для нас была чистым, божественным творением. И для большинства это определение подходило. Их скромность не была показушной. А девушки нескромного поведения, если и были в этом социуме, то сразу о себе давали знать. Мы называли их «чувихами», а себя «чуваками» и это был всего молодёжный сленг, без обид и желания унижить.

Для примера, сейчас, когда тебя или знакомую, как минимум обзывают «тёлкой» или «овцой», то приятного мало, а лично у меня появляется желание просто двинуть этому «челу» в челюсть. Хотя, во многом сейчас и девушки виноваты, желанием «подстелиться» под крутого обеспеченного парня, с квартирой, самим не заработанной и машиной, подаренной папиком на 18-летие. Опять же около половины девушек с малых лет курят, желая показать себя взрослой и успевают быстро пристраститься к спиртному и, упаси Бог к наркотикам. В наше время это было дико и недопустимо.

Как правило, даже не из-за мер безопасности, чтобы случай чего, могли бы дать отпор – нет, конечно, это не главное. Главное, это коллективизм, желание вместе провести время, а это лучше сделать и будешь при этом более расслаблен, с друзьями. Закаблупить «Шизгару» в своем кругу, когда все остальные больше смотрят в вашу сторону, чем сами танцует – вот в чём есть шик и истинное удовольствие отдыха, под девизом «гуляй душа».

Танцы в разгаре, мы «центрируем». Когда мы с двумя-тремя товарищами отошли к ограде, чтобы покурить, оттуда из толпы «висяков», повисших с обратной стороны зевак, кто-то подзвал меня:

– Кучерявый, на минутку...

Я подошёл ближе, глянул в лицо позвавшего, не узнал, парень, как парень:

– Что ты хотел? Закурить?

– Нет, с тобой хочет «Князь» поговорить.

– Что он такой важный, чтобы я к нему шёл? Я не знаю такого.

– Знаешь, знаешь! – улыбаясь процедил парнишка, не вынимая сигареты с фильтром изо рта, – вы успели уже с ним намеренно познакомиться и довольно близко, как я понимаю, судя по тому, с каким лицом он боялся несколько дней показаться на улице. Да и сейчас удобнее поговорить не под «бу-бу-бу» ударника. Выходи, он ждет тебя за «ракушкой» сцены, чуть дальше, найдёшь.

Теперь я догадался о ком шла речь. Конечно, о моём «меченном» оппоненте. Друзья, кто слышал разговор пытались отговорить идти, говоря – оно тебе нужно?

– Нужно, пацаны! Нужно. Почему я должен бегать от кого-то? Я же не страус, чтобы голову в песок прятать.

Выбросив, бычок в урну, решительно направился к выходу. Толпа, те из наших, кто слышал или просто увидел движуху, присоединились к нам. Выйдя за ограду танцплощадки,

повернулся к своим, которые уже начали меня обступать, как бы стараясь защитить от бед и напастей.

– А вы куда? – раздраженно сказал всем, кто пока ещё мало что осознавали, что у меня в голове и какие решил предпринять действия, а решения, видимо, уже приняты. Конечно приняты. Нужно было ставить точку в конфликте иначе... Но мы же не кавказцы, в конце концов, чтобы устраивать «кровную месть».

– Мы тебя не пустим одного. Мы с тобой! – прозвучало воодушевленно единогласное решение.

– Я пойду сам, «чуваки». Если они увидят, что идет толпа, то у кого-то могут нервишки не выдержат и пойдёт слово-за-слово или от вспышки ярости, бойня может получиться. Оно нам надо? Если хотите, станьте поодаль, в зоне видимости и слышимости, будете «фактором сдерживания», если у них агрессивные намерения.

На том и порешили. Я пошёл вперёд, обходя танцплощадку. Везде, кроме задней части «ракушки» висели зеваки, своими телами прикрывая всё, что происходило на танцплощадке. Яркий свет танцплощадки и со сцены давал сильную тень и без того не на самое светлое место парка. Глаза потихоньку привыкали в темноте, и я начал различать уже силуэты. Ближе всех ко мне стоял этот блондин, невысокого, примерно с меня, роста. Он курил, и каждая затяжка сигареты более отчётливо освещала жаром и не только сигареты, а тем, что творился, наверняка внутри его.

Скрывать не буду, у меня тоже в душе, хоть страха не было, но была естественная тревога и мысль, а что, если что-то пойдёт не так, как я предполагал. Возможно, я что-то не смог прочитать в ухмылке того парня, который через ограду передал мне «приглашение» на «стрелку». Времени на раздумывание у меня почти не было, но в таких ситуациях мысли работаю быстро. Говорят, что в моменты опасности, может вся жизнь пролетит перед глазами за секунду. У меня до этого не дошло, конечно. Но «запасный» вариант – ретироваться я вообще не рассматривал. Просто настраивал себя на то, чтобы не потерять самообладание и трезвость ума, не вспылить и не допустить непоправимую ошибку.

– Здороваться будем или как? – спросил первым Князь.

– Ну, почему бы и нет. Мы же, как я понимаю уже немного знакомы, – ответил я, с легкой иронией, увидев, что под глазом последствия синяка, хоть и при плохой освещенности просматриваются.

– Я смотрю, ты в городе «центруешь», – Князь, говоря об этом, имел ввиду центральные районы города, где исторически, студенты чувствовали себя свободно и безопасно, центр был, как общая для всех территория, своеобразные «нейтральные воды», – за тобой братва стоит. Нам ссориться с тобой и твоей братвой не резон. Давай заключим мир или как?

– Лучше плохой мир, чем хорошая война, – вспомнил я вслух крылатое изречение.

– Чё? – спросил кто-то из тех в толпе моего оппонента, кто совсем плохо в школе учился.

– Я говорю, это лучшее из всего, что можно предложить. Тем более, что до нашей стычки, я считаю, что она была вовсе не обязательна. Ты же знаешь, как раньше у нас было, если студент провожал девушку домой до подъезда или калитки. Трогать его нельзя было. Так? Но обратно... Не обессудь, он на вашей территории. Унижать при девушке парня было у нас тоже «за падлО». Так? А тут, как минимум, в первый раз была несостоявшаяся попытка, а после уже и состоялась. Но, согласись, что позорно толпой одного месить. Разве, нет?

Блондину не очень понравилось моё напоминание, особенно случая, который его, как жоака обезумевшей «стаи» не красило совсем. Тем более, что это произошло с его участием и под непосредственным руководством. Видя, что Князь ищет что сказать в оправдание, я продолжил:

– «Синяки украшают мужчину», в них нет ничего пагубного, я помню, мы в детстве даже хвастали, показываясь перед пацанами в таком виде, да ещё, если тот, с кем была стычка

не в лучшей форме тоже, говорили: «Да вы на него посмотрите..., как я ему задал». А вот, если сломаны ребра, да ещё от ударов ногами «лежащего» – это уже позор и неуважуха бес-предельщикам. Согласен, Князь?!

Князь, немного менжуясь, повернулся назад к своей братке, жестом что-то показал и замямлил:

– Да! Но, вот... Давай серьёзно. Сейчас «накатим» и поговорим.

– Ну, почему бы и нет, коли разговор стоящий. Я думаю, что тому, что напрягает обстановку, вот этому противостоянию невидимому, но ощущаемому даже шкурой, когда идёшь и озираешься, не зная, что и от кого ожидать.

– Студент, как тебя зовут? Я слышал, что и погоняло у тебя есть?

– Значит, так и зовут, раз погоняло слышал. Раз Дядя Саша, стало быть Саней и зовут. А тебя Князь? Небось «чалился» по какому-то случае или как?

– Да, было дело по «малолетке» ещё...

Тот, кто вызывал меня на стрелку, молча поднёс бутылку «Агдама», с приоткрытой, но не снятой совсем капроновой пробкой при помощи зажигалки (доносился характерный запах). Я оглянулся. Моя «группа поддержки» стояла молча, но напряжение чувствовалось, даже в их силуэтах, хоть и лиц видно не было, так как мне приходилось смотреть против освещения танцплощадки.

– Серегой меня зовут, – сказал блондин и, сняв пробку, протянул мне бутылку со словами, – гостю в первую очередь.

– За мирную жизнь советских граждан выпить?! Пафосно слишком. За нас, за вас и за здоровый глаз – это более актуально. Давай выпьем за справедливость?! За добро, даже, если оно достигается кулаками! – я умышлено перефразировал известное всем выражение «Добро должно быть с кулаками», чтобы был компромисс и возможность выбора пути решена и достижения желаемого, т.е. добра.

Я не стал объяснять свое мнение по поводу тоста, да и возможно, что этот парень, хоть и является авторитетом всего посёлка, но своё неполное общее образование, если и получил, то в «местах, не столь отдалённых». И вряд ли это нужно было это делать здесь, сейчас и для этого, сейчас совсем не грозного жоака, а такого же чувака, в меру моднючего и в тоже время, как и я, живущего не на широкую ногу. Да и работает где-то на заводе гидроагрегатов слесарем или токарем, если во время отбывания срока, назначенного за «хулиганку», там его обучили рабочей специальности. Тогда это считалось одним из верных путей к исправлению – получение образования и рабочей профессии.

Пили, естественно из горлышка. Вот было время: пили газировку в автоматах десятки людей; ходили в общественные бани, пользовались поочередно одними тазиками; делили одно яблоко на троих, откусывая поочередно куски, стараясь других не обидеть, разделив честно; за делёж вина и говорить не принято – «ухтышников» (это те, кто брался делить на всех, но ему, как последнему «случайно» получалось больше других и они, обычно удивленно вскрикивали «Ух, ты!»), если такие однажды о себе дали знать, больше в компанию не приглашали просто; жмотство не приветствовалось совершенно. Как было принято, спросил:

– На скольких делим?

Князь довольно улыбнулся, обвел своих одобрительным взглядом и сказал, приближая жестом от себя ко мне бутылку, которую я так и держал перед собой:

– Пей, Дядя Саша! Можешь до дна. Гуляем сегодня. Мы ещё «нарисуем»...

– Слово было сказано, за то и выпью, – добавил я и приложился к бутылке, заливая воспалённое нутро, от «прогрева» на танцплощадке розовой жидкость, с температурой, при которой кузнецы не делают глубокую закалку и характерно «пш-ш-ш», при соприкосновении её с плотью не получилось.

Отпив треть бутылки, я передал её Серёге. Полез в карман и достал «дежурную» карамельку, предназначенную обычно для придания свежего дыхания, развернул, откусил половину, а вторую также предложил своему оппоненту и уже, можно сказать собутыльнику. Он взял кусок конфеты и закусил кусочком карамельки. Я достал пачку каких-то болгарских сигарет, если не ошибаюсь, толи «ТУ-134», толи «Интер», которые курил с небольшим стажем, протянул Князю, он подобным жестом предложил свои сигареты. Со стороны посмотреть – одна любезность, кто поверит, что около недели назад «квасили» друг другу физиономии и никому в голову не приходило поднять руку и крикнуть: «Стоп!» Остыть, подумать, что творим, покурить и пожав друг другу руки, разойтись. Тогда не оказалось ни одной холодной головы, вернее головы с холодным разумом.

Договор в устной форме, конечно, был заключён: мы не «борзеем» на их территории и не препятствуем их нахождению с мирными намерениями на нашей; к ним предъявляются такие же требования договора. «Кровью» не подписывали договор и по этому поводу было принято примечание, что если конфликт между представителями сторон урегулировать мирным способом не представляется возможным, то драку прекращать после первого же кровопускания, не допускать зверских избиений.

Кто-то скажет, это всё слова – дал слово, забрал слово. Может быть и такое случилось, но мы тогда действительно верили и от души желали, что «топор войны» будет зарыт надолго и к этой теме возвращаться не придётся.

После процедуры принятия договора, присутствующие сошлись вместе и не для того, чтобы надавать друг-другу тумаков, а чтобы пожать руки, как это делают соперники в спортивных соревнованиях, скажем в футболе, и чтобы запомнить, насколько возможно лица тех, с кем мы полчаса назад были ещё враги, а сейчас союзники.

Танцы продолжались и мы, распрощавшись со своими союзниками, друзьями называть всех собравшихся было рано, соли то с ними еще практически не ели, мы тем же потоком, под возгласы тех, кто не понял, где мы пропали, возвратились в центр танцплощадки и отождили на славу. Я, не дожидаясь «белого танца», пригласил ту, которую надеялся сегодня проводить в Дубки. Это совсем недалеко от парка, но и дело не в этом. Любовь всеильна, если сильно захотеть, ничто не сможет остановить тебя перед достижением цели.

Музыканты заиграли прощальный танец. Молодёжь загудела. Так не хотелось расходиться. Но мы обязательно ещё не раз придём сюда, что снова замечательно провести вечер выходного дня. Мы будем обниматься и целоваться, провожать девушек до мой и не отпускать их из своих объятий «до петухов». Всё это будет, потому что мы молоды и влюблены.

– Какое это счастье, братцы, жить!!! – кричал Дядя Саша, возвращаясь со свидания в свою общагу студентов №2 с первыми лучами восходящего солнца по пустой дороге ещё сонной улицы.

Глава X. Воспоминания Дяди Саши

Не хочется, чтобы меня дотошные и очень любопытные и с хорошей памятью, чтобы не сказать «злопамятные» читатели, Боже упаси, но пунктуальные люди, чтобы не заподозрили меня во лжи, не буду указывать точные даты событий, о которых хочу рассказать а, ориентировочные, тогда и во лжи уличать не придётся, хотя я всегда стараюсь, как на суде «говорить правду, одну только правду и ничего, кроме правды...»

Была холодная зима, с, казалось бы, несвойственными крепкими морозами и большим количеством снега в этих южных степных районах Ростовской области, к которым относится зерноградский и мечётинский районы. Эти районы степные, часто к ним применяют обобщающий термин – сальские степи, по названию самого крупного на юге города области Сальска. Где-то в середине-конце января 1974 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.